

ТРЕТИЙ
ЧЕМПИОНАТ ФАБУЛ
по прозе

*Сборник
рассказов*

ЗАНЯВШИХ
ПРИЗОВЫЕ МЕСТА

**Алина Бестужева
Валентин Иванович Филиппов
Виктор Ягольник
Владимир Серов
Илона Соболева
Колян Платков
Татьяна Лаин
Андрей Кудряшов
Артём Квакушкин
Владимир Алексеев
Татьяна Сунцова
Гузель Рахматуллина
Дмитрий Коробков
Владислав Александрович Диаров
Владимир Вишняков
Ольга Черниенко
Александр Dalahan
Александр Теушаков
Александр Паршин**

Третий чемпионат фабулы по прозе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17690951
ISBN 9785447455729*

Аннотация

В сборнике представлены лучшие рассказы литературного конкурса «Третий чемпионат фабулы по прозе». В него вошли только призёры этапов. В этом году чемпионат состоял из отборочного и пятнадцати жанровых туров. Отборочный выявил шестнадцать сильнейших авторов, и они продолжили соревнование. В процессе конкурса состав участников иногда менялся, но на замену приходили лучшие и продолжали борьбу. На каждом этапе определялись победители. Рассказы-призёры, по оценкам судей, и вошли в данный сборник.

Содержание

Предисловие	6
Отборочный тур	7
Владимир Вишняков.	7
Валентин Иванович Филиппов.	16
Владимир Алексеев.	21
Артём Квакушкин.	24
Александр Теущаков.	26
Первый тур. Сказка	28
Александр Паршин.	28
Татьяна Сунцова.	35
Владимир Алексеев.	40
Владимир Вишняков.	44
Алина Бестужева.	47
Второй тур.	52
Александр Паршин.	52
Виктор Ягольник.	58
Илона.	63
Татьяна Сунцова.	68
Третий тур. Юмор	72
Владислав Александрович Диаров.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Третий чемпионат фабулы по прозе
Сборник рассказов,
занявших призовые места
Александр Паршин
Татьяна Лаин
Ольга Черниенко
Александр Dalahan
Татьяна Сунцова
Владимир Вишняков
Валентин Иванович Филиппов
Гузель Рахматуллина
Владислав Александрович Диаров
Дмитрий Коробков
Владимир Серов
Артём Квакушкин
Андрей Кудряшов
Алина Бестужева
Виктор Ягольник
Владимир Алексеев
Александр Теущаков
Илона Соболева
Колян Платков

© Александр Паршин, 2016

© Татьяна Лаин, 2016

© Ольга Черниенко, 2016

© Александр Dalahan, 2016

© Татьяна Сунцова, 2016

© Владимир Вишняков, 2016

© Валентин Иванович Филиппов, 2016

- © Гузель Рахматуллина, 2016
- © Владислав Александрович Диаров, 2016
- © Дмитрий Коробков, 2016
- © Владимир Серов, 2016
- © Артём Квакушкин, 2016
- © Андрей Кудряшов, 2016
- © Алина Бестужева, 2016
- © Виктор Ягольник, 2016
- © Владимир Алексеев, 2016
- © Александр Теущаков, 2016
- © Илона Соболева, 2016
- © Колян Платков, 2016

Составитель Александр Русанов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от составителя сборника

Уважаемые читатели, представляю на ваш суд лучшие рассказы литературного конкурса «Третий Чемпионат Фабулы по прозе». В него вошли только рассказы, занявшие места с первого по третье в каждом из этапов соревнования. В этом году Чемпионат состоял из отборочного и пятнадцати жанровых туров. Конкурс оценивала бригада из пяти судей. Отборочный выявил шестнадцать лучших, и они продолжили соревнование. В процессе конкурса состав авторов иногда менялся, но на замену приходили лучшие из параллельного конкурса «Альтернативный Чемпионат Фабулы по прозе», и продолжали борьбу. На каждом этапе определялись места, которые заняли произведения в туре. Рассказы, занявшие места с первого по третье по оценкам судей и вошли в данный сборник. http://fabulae.ru/authors_b.php?id=4212

*Главный судья Чемпионата Фабулы по прозе и Первенства Фабулы
Александр Русанов*

Отборочный тур

Владимир Вишняков. Два письма

*Ведь это так важно знать
что тот, кого ты ждёшь, обязательно вернётся, несмотря
даже на всемирные законы*

Лондон, 1825 год

В просторной гостиной в викторианском стиле за вечерним чаем в доме лорда Дэвидсона сегодня принимали гостей. Майор Эдвард Уилсби, давний друг семьи, накануне прибыл из Индии.

– Мы чрезвычайно рады снова видеть вас в нашем доме, майор, – проговорил лорд Дэвидсон.

– Сэр, позвольте поблагодарить за столь любезное приглашение. Безмерно рад встрече с вами, вашей прекрасной супругой леди Маргарет и юной леди Мэри, – учтиво улыбнулся Уилсби. – Особенно счастлив оказаться в столь уютном обществе после посещения Индии.

– В Индии сейчас беспокойно, мистер Уилсби? – с тревогой спросила майора супруга лорда.

– Да, мэм. Поездка была напряжённой. Ост-Индская компания испытывает значительные препятствия по продвижению в Индии, во многом из-за ситуации с Бирмой.

– Ох уж эта Бирма, – раздражённо вздохнул лорд Дэвидсон. – Вот уже больше года генерал-губернатор Индии не может справиться с кучкой туземцев! Право, это начинает утомлять не только меня, но и других членов Парламента.

– Позволю себе некоторое уточнение ситуации, сэр, – произнёс майор, опустив взгляд. – Бирманская армия, несмотря на старое оружие, достаточно хорошо организована. Мой давний друг и сослуживец капитан Сэлман участвовал в последних столкновениях с бирманцами в Аракане, на границе с Индией. Он отметил их высокий боевой дух и храбрость.

При этих словах майора на лице Дэвидсона отразилась безразличность.

– Не думаю, что само понятие храбрости может быть применимо к этим азиатским варварам. К тому же, насколько мне известно, после высадки нашего экспедиционного корпуса на юге бирманцы оставили Аракан и вынуждены обороняться в Рангуне.

– Это так, сэр, – кивнул Уилсби. – И эта оборона длится уже почти год. К сожалению, корпус генерал-майора Кэмбелла несёт большие потери.

При этих словах офицера Мэри, дочь лорда Дэвидсона, выронила чайную ложечку. Прибор громко звякнул, ударившись о край блюда.

– Прошу прощения, – тихо проговорила девушка. – Скажите, мистер Уилсби, а каковы последние известия из Рангуна?

– Юная леди интересуется политикой? – удивился майор.

Лорд с улыбкой взглянул на Мэри и произнёс:

– Моя дочь обладает широким кругозором и множеством талантов.

– Не сомневаюсь, что свою любознательность леди наследовала от вас, сэр, – улыбнулся Уилсби и ответил на вопрос девушки: – Действительно, последние сообщения из Ран-

гуна обнадёживают. Сообщают, что командующий бирманской армией генерал Бандула убит. Думаю, сопротивление бирманцев вскоре будет сломлено.

Мэри вежливо улыбнулась и поблагодарила майора.

– А какие они, эти бирманцы? – спросила с интересом супруга лорда. – То же, что и китайцы? Или как индийцы?

– Нет, – ответил Уилсби. – Внешностью схожи с китайцами, но по сути совсем иные. Маленький, но гордый народ. От китайца или индийца вы вряд ли увидите столько презрения и пренебрежения к европейской культуре, которые способен выразить бирманец. Представьте: в Бирме верят, что их обычаи более прогрессивны, чем европейские.

– Но это, право, черта дикарей, – недовольно проговорил Дэвидсон.

Майор решил не противоречить лорду и сменил тему беседы.

Сегодняшний вечер был необычен тем, что в пасмурном и мрачном Лондоне незадолго до заката вдруг выглянуло солнце. Его косые лучи скользнули по тёмной решётке камина. Изысканные тяжёлые гобелены в золотом вечернем свете как бы утратили свою величавость, сделав обстановку в комнате более уютной.

Мэри сидела за столиком из красного дерева, перед зеркалом в изысканной резной оправе. На столе стояла пара шкатулок и ларь с многочисленными подарками от отца: украшениями и разными другими дорогими вещами. Лорд Дэвидсон любил свою единственную дочь безмерно и нежно, как любят редкий и дорогой цветок. Отец ни в чём не отказывал Мэри и, несмотря на строгость характера, свойственную ему как политику, никогда не позволял себе даже повысить голос на любимую дочь. Желая ей самого счастливого будущего, лорд Дэвидсон, однако, не мог знать, сколько печали кроется в сердце юной и такой одинокой девушки.

В сотый раз перебирая бусы и серьги из дорогих заморских камней и золота, Мэри старалась не расплакаться – её слёзы не для родителей... Вот луч солнца коснулся края столика и узорной рамки зеркала. Девушка вдруг улыбнулась. Она вспомнила, как Роберт делился с нею впечатлениями о своей первой военной экспедиции в Индию. Будучи солдатом колониального корпуса, он рассказывал, как необычно для англичанина видеть солнце каждый день...

Роберт любил юную леди Дэвидсон. А она чувствовала себя виноватой в том, что именно по этой причине он сейчас рискует своей жизнью на военной службе в далёкой Азии.

– Я обязательно женюсь на тебе, обязательно! – жарко шептал Роберт, сидя рядом с Мэри на скамейке в саду особняка лорда Дэвидсона, куда он проник тайно.

– Моя нежность к тебе безмерна, – шептала в ответ она, – но ты знаешь моего отца... Он не позволит нам...

– Это поправимо! Поправимо, моя милая Мэри! – отвечал молодой человек, крепко сжимая тонкое запястье девушки. – Пусть я небогат, но военная служба даст мне возможность стать офицером. Твой отец очень уважает людей военного сословия...

– Роберт, я не могу так, – опустила взгляд Мэри. – Ты говорил: твой отец хочет, чтобы ты последовал его традиции и стал пастором. Я не хочу, чтобы из-за меня...

– Да, я хотел стать служителем церкви, – перебил девушку Роберт, – но встретив тебя, понял, что живу только ради того, чтобы быть с тобой... Потому сейчас я вынужден покинуть тебя – на время. Набирают добровольцев в экспедицию в Ост-Индию. Это мой шанс. Наш шанс когда-нибудь быть вместе...

Это было год назад. Уже больше двенадцати долгих месяцев Мэри не видела возлюбленного. Не знала, что с ним. Не знала даже, может он...

В груди так тягостно сжалось сердце. Так же тягостно, как сегодня во время вечерней беседы с майором Уилсби, когда он рассказал о тяжёлой военной ситуации в Бирме.

В последнем письме, написанном почти четыре месяца назад, Роберт сообщил, что их корпус вероятно перебросят из Калькутты именно в Бирму...

В комнату вбежала горничная.

– Госпожа! Госпожа! Пришло! Оно пришло...

Мэри резко поднялась из-за столика.

– От Роберта? – почти шёпотом от неожиданного волнения спросила леди.

– Да!

Горничная протянула юной госпоже небольшой конверт.

– О Боже... – девушка нежно провела пальцами по надписи на конверте. Это был его почерк... Мэри строго взглянула на служанку. – Пенни, отец не заметил тебя?

– Что вы, госпожа, что вы, – замахала руками горничная.

– Хорошо, – улыбнулась девушка. – А теперь ступай и следи, чтобы отец или мать не зашли случайно ко мне в комнату.

– Конечно, госпожа.

Пенни вышла, затворив за собой дверь.

Тяжело дыша, Мэри села за столик и вскрыла конверт. На листе серой бумаги знакомым и таким любимым почерком было написано её имя. Слезы счастья застыли в её глазах...

«Здравствуй, моя милая Мэри! Не имел возможности отправить тебе письмо последние два месяца. Представляю, как ты волнуешься, и прошу у тебя прощения за эту боль.

Как я и думал, долго отсиживаться в Калькутте нам не пришлось. Сейчас я пишу тебе из Рангуна – это город в Бирме. Нас предупреждали, что кампания в Бирме может быть тяжёлой, но я всё же согласился. Это реальный шанс получить внеочередное повышение и дополнительное жалование. Ты знаешь: я небогат и не из знатной семьи. Поэтому военная служба – единственный шанс стать достойным твоей руки в глазах твоего отца. Прошу тебя помнить об этом. Всё это – только ради нашего с тобою будущего.

В составе пополнения мы прибыли в Рангун три недели назад. Положение наше тяжёлое. Рангун практически обезлюдел: после высадки нашего корпуса почти все местные жители покинули город. Судя по всему, многие из них сформировали партизанские отряды, которые нападают внезапно, чаще по ночам. Перестрелки и мелкие стычки с бирманцами изматывают, хотя в целом дни и часы проходят мучительно и монотонно... Бирманцы отчаянно сопротивляются, хотя это – далеко не самая горькая из бед. Не хватает продовольствия и лекарств. Лазареты переполнены: солдаты гибнут от болезней. Недавно в моей роте несколько человек заболели и умерли. Медик заподозрил, что это холера. Я уже видел, как погибают мои товарищи на поле боя, но смерть от болезни вдали от родины ужаснее в разы... Да и эта война не представляется мне чем-то доблестным или необходимым. Я не имею ничего против этого народа, моя милая леди. Я не политик, а просто солдат...

Иногда, признаюсь, мне страшно, что и я могу умереть здесь, не увидев более тебя, моя милая Мэри. Но я гоню от себя эти мысли. Тем более, что мы, вероятно, скоро вернёмся обратно в Англию. Часть нашего корпуса продвинулась вверх по реке Иравади, к столице Бирмы. Скоро бирманцы вынуждены будут сдаться.

Хочу рассказать тебе об одном случае. Две недели назад, ночью, патрулируя пригород, я заметил у колодца троих бирманцев. Возможно, они хотели отравить воду. Я выстрелил – завязалась перестрелка. Через пару минут на помощь подоспели ребята из моего отряда, и двое бирманцев убежали. Но третий убежать не успел и накинулся на меня. Я ударил его, и он упал. Признаюсь: направив на него ружьё, я чуть не выстрелил. Что остановило меня? Понимаешь, Мэри, в пылу схватки часто не думаешь ни о чём: просто сражаешься, понимая, что если не убьёшь врага – то сам будешь убит. Но когда я уже держал этого бирманца на прицеле, мне помешал нажать на курок его взгляд. О чём думает человек перед лицом

смерти? О своём страхе. Да, в его глазах был страх. Страх и отчаяние. Но это не было просто страхом умереть – тут было нечто иное... Подоспели мои товарищи. Мы решили взять бирманца в плен.

Утром я доложил о пленном капралу. Капрал посчитал этого бирманца бесполезным и приказал расстрелять его.

Дождавшись темноты, я повёл пленника к тому месту, где накануне у нас случилась стычка. И снова я увидел что-то странное в его глазах. Наверно, он осознавал свою участь. Но взгляд его выражал не страх перед смертью.

Дойдя до колодца, я развязал бирманцу руки. Он был очень удивлён. Знаешь, о чём жалел я в тот момент? О том, что не знаю его языка и не могу спросить, что значат тоска и боль в его глазах...

Опустив ружьё, я сел на траву. Удивлённый бирманец последовал моему примеру. «А может, всё же удастся *спросить*?» – промелькнула в моей голове мысль.

Я указал на свои глаза, а потом – на его, не надеясь, что мой вопрос в форме жеста будет понят. Но, к моему удивлению, пленник вдруг улыбнулся и приложил руку к груди – туда, где сердце. И тогда я понял...

Не о своей жизни грустил он, понимая накануне, что я вот-вот спущу курок.

Бирманец улыбнулся и указал пальцем на яркую луну в небе над нами, а затем – на свои глаза.

«Её взгляд прекрасен, как свет луны», – промелькнуло в моей голове...

Пленник аккуратно коснулся зелёной травы, а потом провёл рукой по своему предплечью.

«Её кожа нежна, как молодая трава», – подумал я...

Бирманец закрыл глаза, опустил голову и крепко прижал к груди смуглую ладонь.

«И моё сердце навсегда принадлежит только ей одной». Я понял это так ясно, как будто он сам сказал это...

Бирманец снова смотрел на меня, и теперь в его взгляде не было страха. Я раскинул руки, а потом указал в сторону, откуда он пришёл накануне со своими товарищами.

Пленник снова приложил правую кисть к груди, а потом указал туда же.

«Она там, откуда я пришёл. Она ждёт меня».

Он улыбнулся, а потом, похлопав по груди себя, указал пальцем на моё сердце. Задав этот немой вопрос, он наклонил голову, ожидая ответа. Я приложил руку к сердцу, а потом указал в сторону океана... Туда, где где-то очень далеко меня ждёшь ты, моя милая Мэри... Бирманец улыбнулся очень радостно, закивал. Невероятно, но он понял... Он понял всё.

Вспомнив о приказе, я уже понимал, что не смогу убить этого человека. Человека, который любит.

Я знал, что никому не будет дела до этого бирманца, что никто не проверит, убил ли я его или нет.

Я отпустил его.

Странное чувство, Мэри. Вынужденные общаться лишь жестами, мы и не чувствовали необходимости что-то говорить друг другу на словах. Он оставил кого-то там, на севере, и тот страх в его глазах, когда я чуть не выстрелил, был страхом больше никогда не встретиться с той, кто ему дорог. Это так знакомо мне, моя милая леди...»

Бирма

Солнце медленно двигалось к закату, освещая небольшую рыбацкую деревушку в пятидесяти шагах от берега Иравади. У одной из простых хижин на плетёной циновке сидел мальчик лет десяти. Коротко стриженные волосы выдавали в нём начинающего послушника буддийского монастыря. Мальчик был поглощён делом. В руке он держал небольшой нож и продолговатую деревянную заготовку. Куску дерева, по замыслу моло-

дого мастера, предстояло стать дудочкой. Бо Сан – так звали мальчика – загорелся желанием приобрести чудесный музыкальный инструмент, когда увидел такую дудочку у монаха по имени Чан До. Звуки, издаваемые простой полой палочкой с несколькими отверстиями, когда на ней играл Чан До, были настолько прекрасны, что даже птицы отвечали на них своими трелями.

Поражённый Бо Сан спросил у монаха:

– Скажи, где можно достать такую дудочку?

Монах улыбнулся и указал на ближайшее дерево:

– Да вот же их сколько. Бери любую.

Мальчик недоумённо взглянул на Чан До:

– Где же? Я вижу только дерево...

– Каждая из ветвей дерева – дудочка. Приглядишься...

И вот уже неделю юный Бо Сан часами сидел с ножиком в руке, пытаясь превратить простую ветку в источник музыки.

«Ничего не получается, – с досадой думал мальчик. – Вот если бы Тан был здесь, он бы помог мне! И зачем он ушёл? Я скучаю по нему. Как здорово мы с ним рыбачили... Да и сестра скучает...»

Бо Сан вздохнул и посмотрел в сторону реки. У причала, кроме рыбацких лодок, стояли две большие баржи, приплывшие с юга.

«На такой же барже Тан уплыл вниз по течению», – с грустью вспомнил мальчик о парне, жившем в хижине по соседству. Тан, восемнадцатилетний послушник при монастыре, был его другом и другом его сестры Тин Лу. Десятилетний Бо Сан учился в монастыре грамоте. Иногда Тан и Бо Сан читали древние тексты вместе. Мальчик привязался к старшему товарищу и очень не хотел, чтобы Тан становился монахом. «Женись на моей сестре! – однажды сказал мальчик молодому послушнику. – Тин Лу очень добрая и заботливая». «Всё очень сложно, мой друг, – задумчиво ответил тогда Тан. – Ты знаешь: я должен стать монахом».

Бо Сан был очень расстроен. Потому что видел, как его сестра смотрит на Тана при встрече, а однажды услышал, как ночью она шептала его имя и плакала...

И вот четыре месяца назад, когда с юга пришла новость о том, что англичане, уже захватившие соседнюю Индию, начали войну на юге и хотят завладеть прибрежным городом Янгоном, Тан решил отправиться на юг и воевать против англичан. Бо Сан вспомнил, как таким же солнечным вечером его друг о чём-то разговаривал с Тин Лу на причале, а потом, махнув рукой, запрыгнул на баржу и уплыл вниз по Иравади, на юг. Туда, где война.

«Поскорей бы Тан вернулся, – с грустью и досадой думал Бо Сан, снимая стружку с ветки. – А когда он вернётся, он обязательно поможет мне доделать дудочку. И женится на Тин Лу. И мы снова будем вместе рыбачить...»

Со стороны причала к хижине бежала девушка в цветном платье. В её тёмные волосы был вплетён большой алый цветок, какие росли у самой воды на реке.

– Бо Сан! Бо Сан!

Сидящий на циновке мальчик пригляделся. Это была его сестра.

– Бо Сан! Наконец-то... От Тана!

Мальчик соскочил и, подбежав к Тин Лу, взволнованно спросил:

– Письмо? От него?

– Да! Да! – улыбалась радостно девушка, сжимая в руках лист жёлтой бумаги. – Брат, прочти для меня! Прочти!

– Неужели правда Тан написал? – обрадовался мальчик, разворачивая письмо.

Тин Лу кивнула:

– Написал! Читай же! Читай!

Брат и сестра присели у входа в дом. Бо Сан читал.

«Здравствуй, Тин Лу! Сейчас я нахожусь чуть севернее Янгона. Узнав, что одна из барж поплывёт на север, я написал это письмо и попросил Маун Пэ – это мой друг – доставить его тебе. Он обещал, что обязательно найдёт тебя и передаст это письмо.

Не беспокойся за меня. Я жив. У нас было несколько боёв с англичанами и индийцами, которые им помогают. Я не хотел быть воином, но уверен, что это мой долг – бороться с теми, кто захотел захватить нашу землю. Ты знаешь, я покинул монастырь. Учитель не одобрил моего выбора, сказав, что меня захватили страсти этого мира. Я говорил с ним, объяснял, что мы должны бороться против англичан. В какой-то момент учитель вдруг посмотрел на меня – и взгляд его наполнился лукавой искрой.

«Ты хотел бы скрыть от меня также и иную причину своего желания покинуть храм», – произнёс он.

Знаешь, Тин Лу, учитель был прав. Я осознал ещё кое-что, когда принял решение оставить родной край. Осознал, как буду скучать по тебе: по твоей улыбке, по твоему взгляду. Тин Лу, если я вернусь домой, я больше не пойду в монастырь. Я попрошу тебя стать моей женой.

И этой мыслью я живу всё это время. В боях и стычках иногда бывает очень страшно, признаюсь тебе, но оттого мне ещё сильнее хочется победить англичан – чтобы поскорее вернуться, снова увидеть тебя и твою улыбку.

Тин Лу, я жив именно благодаря мыслям о тебе. Вот что произошло некоторое время назад, когда мы были под Янгоном.

Меня и ещё двух моих товарищей направили на разведку в пригород. У нас было задание выяснить примерное расположение и численность англичан. Но нас постигла неудача: мы наткнулись на вражеский патруль. Англичан было больше, человек семь. Мои товарищи растерялись и обратились в бегство. В темноте я отстреливался, но внезапно получил удар от незаметно приблизившегося ко мне солдата. Я выронил оружие и упал. В руках англичанина было ружьё, которое он направил на меня. Если бы я не знал тебя, я бы испугался, я бы закрыл глаза, чтобы не видеть своего последнего мига. Но я должен был взглянуть в глаза тому, кто сейчас прервёт мою жизнь, кто сейчас отнимет у меня шанс ещё раз увидеть тебя, Тин Лу.

И тогда произошло нечто необычное. Солдат как-то странно посмотрел на меня, потом оглянулся. Опустил оружие. Он должен был убить меня, но почему-то не сделал этого. Помню, я прошептал очень тихо одно слово: «Почему?». Солдат вряд ли услышал, а если бы и услышал, то не понял бы.

Меж тем подошли остальные солдаты. Тот, который взял меня в плен, что-то спросил у старшего. Их командир вначале покачал головой, но после ещё одной фразы солдата всё же неохотно кивнул и отдал команду взводу. Англичане отвели меня в свой лагерь и посадили в яму, выставив у неё часового. Там я провёл ночь и следующий день, ожидая своей участи.

Вечером тот же солдат (но на этот раз почему-то один) повёл меня к колодцу. Я ждал удобного случая, чтобы вырваться и убежать – потому что понимал: ему приказано убить меня. Однако дойдя до колодца, солдат жестом велел мне остановиться. Тогда он подошёл и снял с моих рук верёвки. Затем англичанин спокойно отложил ружьё в сторону и сел на траву. Я не понимал, чего он хочет от меня. Разум говорил мне: «Это твой шанс! Хватай оружие! Или просто беги!». Но странное поведение англичанина смутило меня. Неужели он выстрелит в спину, если я побегу? Знаешь, Тин Лу: эти англичане хуже самых презренных дикарей. Однажды я видел издали, как они издеваются над пленными, смеясь и потешаясь над их страданиями, будто они не люди, а лесные обезьяны... Но этот европеец показался мне странным ещё с того дня, когда он взял меня в плен – ведь он почему-то тогда не нажал

на курок. И я решил посмотреть, что задумал этот чужеземец. Если бы он придумал какую-нибудь пытку для меня – у меня в любом случае был бы шанс сразиться с ним.

Я медленно опустил на траву и посмотрел на солдата выжидающе. Англичанин показал пальцем на свои глаза, а потом – на мои, кивнув в сторону своего ружья. Очевидно, он хотел узнать, почему я так смотрел на него накануне, когда он угрожал мне оружием. Я и не знал, как рассказать ему об этом. Как рассказать ему о тебе?

Я приложил руку к сердцу. Солдат странно улыбнулся и кивнул, ожидая ещё чего-то. Над головой ярко светила луна. Мне вдруг отчётливо представились твои глаза, прекрасные, как её сияние... Моя ладонь касалась мягкой зелёной травы, нежной, как твоё прикосновение. Как я мог рассказать об этом чужеземцу?.. Я приложил к груди ладонь. Мне подумалось вдруг, что и этот человек, откуда бы он ни пришёл, тоже чувствует сердцем.

Англичанин улыбнулся, показал ладони, а потом указал пальцем на север. Неужели он понял, что я говорил о тебе? Я улыбнулся и кивнул. Да! Там, далеко, откуда несёт свои воды великая Иравади – там ты, моя Тин Лу, ждёшь меня. И даже этот чужак теперь знает об этом!

Этот человек – враг мне и моей земле – понимал, что движет мной, понимал так же ясно, как и я сам. Значит, и он... Отняв ладонь от своей груди, я указал на его сердце. И солдат ответил мне. Его рука указала на запад.

Я кивнул. Теперь я понимал, что его ждут там. Ждут с такой же печалью и нежностью. Ждут с такой же надеждой, с которой меня ждёшь ты. Я улыбнулся.

Солдат поднялся с земли, взял своё оружие, улыбнулся мне в ответ и направился прочь.

Я сидел на траве. В этот момент я осознал, что моя война только что закончилась. И я возвращаюсь – возвращаюсь к тебе.

Обними за меня Бо Сана. Скажи, что скоро мы с ним встретимся. Как и с тобой, моя Тин Лу.

Жди меня».

Мальчик дочитал письмо. Девушка в цветном платье сидела молча. Её взгляд был устремлён в сторону великой реки. В глазах её блеснули слёзы.

Лондон

Лето наполняло деревья новой жизнью. Мэри сидела на каменной скамейке в саду. Над скамейкой был навес, защищавший от солнца. Девушка не любила его: он мешал видеть небо. Но в эти минуты ей было это неважно. Проснувшись сегодня утром, юная леди ощутила, как последняя надежда оставляет её измученное разлукой и одиночеством сердце. Она не знала, что будет делать, если вдруг узнает, что больше не увидит Роберта...

Где-то справа со стороны забора вдруг раздался едва слышный шорох, потом звук сломанной ветки. Мэри прислушалась. Неужели...

– Кто это? – прошептала девушка.

Сердце её вдруг так томительно и радостно замерло. Она не верила, что это случится. Случится прямо в этот миг, после бесконечных недель и месяцев тоски и одиночества.

– Роберт? Роберт!

Из-за густой листвы долговязого дуба, росшего почти у самого забора, показалась фигура мужчины в песочной военной форме.

– Роберт!

Офицер увидел Мэри и бросился к ней. Через миг она оказалась в его объятиях.

– Прости, прости меня, – шептал мужчина, покрывая поцелуями бледное лицо своей возлюбленной. – Прости, что меня так долго не было рядом...

– Ты вернулся, – шептала в ответ Мэри, – вернулся...

Неожиданно за спиной Роберта раздались быстрые шаги. Он почувствовал, как Мэри испуганно отстранилась от него, и обернулся.

В двух шагах от них стояли лорд Дэвидсон – отец Мэри – и садовник.

– Вот, сэр! – с неким торжеством воскликнул последний. – Я же говорил, что слышал шум...

– Можешь идти, – властно скомандовал садовнику хозяин дома, не поворачивая головы.

Слуга поспешно ретировался. Лорд, сложив перед собой руки, кинул суровый взгляд на человека в военной форме.

– Отец, – произнесла Мэри. – Позволь представить тебе...

– Не надо, – резко прервал девушку лорд. – Я полагаю, что мужчина военного сословия – если он носит эту форму по праву – найдёт в себе силы представиться, это первое. И второе: он постарается объяснить, почему проник в мой дом тайно, словно вор.

– Отец... – испуганно прошептала юная леди, но не посмела продолжить.

Офицер сделал шаг вперёд и по-военному вытянулся.

– Сэр, моё имя Роберт Хаксли, – произнёс он. – Этот мундир я ношу по праву, так как являюсь лейтенантом армии Его Величества.

– Что ж, – оглядев офицера, сказал лорд Дэвидсон. – А что касается второго моего вопроса?

– Приношу свои глубочайшие извинения, сэр, – спокойно ответил Роберт, – за столь неучтивое вторжение в ваш сад. Дело в том, что я только что вернулся в Англию из военной экспедиции, длившейся больше года. Всё это время я мечтал увидеть леди Мэри... Простите, сэр. Не имея чести быть знакомым с вами, я не имел и права войти в ваш дом через дверь.

Лорд едва заметно улыбнулся. Ответ молодого офицера понравился ему.

– Где же вы воевали, если не секрет? – осведомился Дэвидсон.

– В Бирме, сэр.

Неожиданно в разговор вмешалась Мэри.

– Отец, если позволишь, лейтенант Хаксли мог бы рассказать нам о своей службе за чашкой чая.

Произнеся это, девушка ещё больше побледнела, вспомнив вдруг о крутом нраве отца. Однако лорд не сдержал улыбки.

– Что ж, думаю, это не самая плохая идея, – ответил Дэвидсон. – Но прежде чем вы войдёте в мой дом, юноша, пообещайте мне, что больше не будете лазать по заборам. Тому, кто воевал во славу Его Величества в Бирме, вряд ли к лицу пробираться в мой дом через сад. В следующий раз воспользуйтесь парадной дверью.

Мэри улыбнулась.

Роберт чётко ответил:

– Слушаюсь, сэр!

Бирма

Великая Иравади неспешно несла свои воды к далёкому югу. На берегу сидела девушка с алым цветком, вплетённым в чёрные как смоль волосы. Её печальное лицо было обращено к закатному солнцу.

К берегу медленно причалила очередная большая баржа. Тин Лу пригляделась. С баржи на берег торопливо сошли несколько мужчин. Один из них был высоким смуглым юношей. Его внимательные глаза оглядывали причал.

Девушка вскочила с земли и бросилась к тому, кого ждала бесконечными днями и ночами.

– Тан! – прокричала она. – Тан!

Мужчина повернулся на голос и побежал навстречу.

Валентин Иванович Филиппов.

Андрей из Магадана

В угрюмую ночь, продуваемую ледяным ветром, в интеллигентной семье, в самый расцвет развитого социализма, родился мальчик. Мать – педагог средней школы, отец – музыкант-клавишник. Одарённый человек – он писал музыку и преподавал в городской музыкальной школе. Средняя семья со средним достатком, проживающая в трёх комнатной квартире.

Родители окружили любовью и заботой желанного ребёнка. Им помогали бабушки, сумевшие сохранить остатки здоровья и разума, что редко бывает у людей, переживших суровые испытания.

Мужчины, дедушки, этого ребёнка, ушли из жизни раньше, лишний раз подтвердив то, что женщины в экстремальных условиях гораздо выносливее представителей противоположного пола.

Судьба на этом ребёнке не отдыхала, а передала ему всё, что накопилось в его предках, которые против собственной воли обжили суровый край. Построили города, шахты, рудники, заводы. Эти люди не сломались под ударами судьбы.

Предки малыша, остались людьми с большой буквы, в суровых условиях создали семьи, родили детей. Вот он – внук, уроженец сурового края. Здоровый, сильный ребенок, окруженный заботой и нерастраченной любовью.

Мальчика нарекли Андреем. Он рос, выполняя все, что положено ребёнку его возраста. Настало время прививок, а вместе с ними пришла беда. После плановой прививки мальчика парализовало. На фоне неудачной прививки у Андрея развился церебральный паралич. Горе сломило бабушек и вскоре они, одна за другой, ушли из жизни, оставили детей с горем в виде парализованного Андрюшки.

Мать оставила работу и занялась ребёнком. Отец официальную работу не бросил. Днём он преподавал в школе, а вечерами играл в ресторанах, зарабатывая живые деньги, которые все уходили на лекарства.

Андрей стал центром семьи, ради него и для него жила эта семья.

Благодаря заботам матери и её неустанному труду, Андрюшка встал на ноги, в пятилетнем возрасте. Недоразвитые рука и речь говорили о его болезни. Правая рука едва двигалась и отставала в росте. Исказились черты красивого лица, на правой стороне живым остался только один глаз.

Глаза... Не зря кто-то из великих и мудрых людей сказал: «Глаза – зеркало души».

Бездонная глубина открывалась в детском взоре. Мать оберегала своё чадо от лишней информации. Она догадывалась, что её сын прекрасно понимает и серьёзно оценивает состояние своего тела и не делает из этого трагедии. Когда Андрюшку выпускали во двор, он в играх не отставал от сверстников, а в различных затеях был лидером.

Пришло время, Андрей пошел в школу, быстро обучился писать левой рукой и по остальным предметам не отставал от сверстников.

Впоследствии Андрей в числе лучших учеников окончил среднюю школу, немного не дотянув до золотой медали. При этом отлично ладил с окружающим миром.

Обычно инвалидов такого типа называют «людьми с ограниченными возможностями». Правая рука у Андрея так и осталась неразвитой. Пальцы на ней были скрючены и малоподвижны.

Но Андрей ухитрился одной рукой делать то, чего не могли достичь его сверстники двумя руками.

Он, как признание, получил от сверстников прозвище «Человек с неограниченными возможностями». Это было справедливо.

Прошла реабилитация, родители Андрея переехали в среднюю полосу России. Обзавелись квартирой в областном городе и продолжали жить дальше.

Мама Андрея работала в школе, отец к преподавательской деятельности не вернулся и играл в ресторанах. Там он зарабатывал хорошие деньги. Гораздо больше, нежели платили учителям. Андрей поступил в политехнический институт и проучился полный курс и окончил институт с красным дипломом.

Время превратило неугомонного мальчишку во взрослого парня с умными глазами, но неприятным, отталкивающим выражением лица. Из правого рукава футболки свисало отвратительное подобие руки со скрюченными пальцами. Когда Андрей надевал пиджак, это становилось не заметно. Но пиджак или куртку приходилось иногда снимать, вид неразвитой руки ввергал неподготовленных людей в шок.

Детская прививка отразилась не только на лице и руке, походка тоже была испорчена: Андрей при ходьбе прихрамывал.

Если не обращать внимания на внешность и строение тела, то перед нами был человек-умница, одарённый инженер электронщик, программист от Бога! Но на работу его не брали, по причине внешнего вида.

Он научился зарабатывать деньги сам. Освоил Интернет. Освоил его так, как и не снилось продвинутому хакерам. Но в криминал не лез.

Открыл специализированный сайт, куда ему потихоньку капали деньги.

У него была пенсия инвалида детства, но хотелось полноценной работы среди людей.

Андрей изменил причёску. Волосы цвета спелой пшеницы, кудрями рассыпались по плечам.

Он их зачёсывал так, что они скрывали изуродованную половину лица.

Усы и испанская бородка скрывали парализованную часть губ, но уродство, как назло, прорывалось на свет божий в самый неподходящий момент. Испуганные клиенты уходили, хозяева салонов по продаже электронной техники увольняли Андрея, дабы он своим страшным видом не отпугивал покупателей.

Андрею с его специальностью и его данными можно было работать где-либо в НИИ. Но их не стало в наше коммерческое время.

Приходилось наниматься к хозяйчикам, которым нужен сиюминутный доход, а не качественное обслуживание электронной техники. После очередного увольнения сердце Андрюшкиной матери не выдержало. Анна Михайловна умерла от сердечного приступа. Андрей стал сиротой.

С отцом парень почти не виделся. Когда Андрей приходил домой, отец собирался и уходил на работу. А после того, как схоронили мать, родитель ушел в длительный запой.

Последние годы отец приходил под утро пьяным, закрывался в своей комнате, спал до вечера, чтобы снова уйти из дома на всю ночь.

Чувство вины перед ребёнком переросло в какое-то иное отношение, которое трудно описать.

Контакта между отцом и сыном не стало. Они просто жили под одной крышей, не делясь друг с другом своими заботами.

При живом отце Андрей стал полным сиротой. Хотя к чему мы это говорим? У нас большая часть российских детей растёт в неполных семьях, а количество беспризорников гораздо больше, чем после революции 1917 года и войны 1945 вместе взятых.

Андрей уже взрослый, и звание «сирота» звучит как-то неуместно. Мужчиной он стал, будучи зрелым парнем.

Нанял девушку лёгкого поведения, настоящую профи. Но даже она с трудом перешагнула через чувство отвращения к уродству этого тела.

Андрей понимал, что ей стоит великих усилий отработать те деньги, которые девушка получила за свой труд.

Больше он к подобным опытам не прибегал, но тяга к обладанию противоположным полом в нём не угасала. Страшный укол на гормональное развитие не повлиял, а даже как-то наоборот. Стремление к обладанию было очень сильным.

Он знакомился, пытался дружить с девушками, но внешний вид перечёркивал всё положительное, что в нём сохранилось от удара судьбы.

Странное дело: в нём жило отвращение к продажной любви. При своём неадекватном виде Андрей стремился к чистым и искренним чувствам.

Дружить с ним – дружили и, как могли, пользовались его дружбой.

С друзей он не брал ни копейки, бесплатно отлаживал, настраивал и ремонтировал бытовую электронику друзей.

Этим вызывал ненависть, у владельцев ремонтных мастерских, у которых он отбирал заработки. После Андрюшиного ремонта техника не ломалась много лет, чего не скажешь о ремонтной мастерской.

Мастера тебе так отладят компьютер или телевизор, что клиент, единожды посетивший мастерскую, навсегда прописывался в ней. Пока не покупалась новая техника.

Друзей много, но Андрей всё чаще чувствовал себя одиноким, пока не произошло чудо.

Он познакомился в интернете с девушкой. Думая вначале, что это обычный прикол какого-либо бездельника, не решался включиться в игру. Но девушка была настойчивой. Они обменялись фотографиями. Будучи уверенным, что перед ним на экране лик малоизвестной актрисы, Андрей в ответ послал фотографию молодого Жана Мааре, которого мы в России знаем как графа Монте Кристо. Андрей тут же получил ответное послание, в котором девушка назвавшаяся Маргаритой, посоветовала ему не дурачиться и добавила, что лично знает его в лицо, и оно её не пугает.

Не откладывая событий на неопределённый срок, как это бывает при виртуальных знакомствах, она назначила Андрею встречу.

С необъяснимым душевным трепетом Андрюха собирался на это свидание. Он до последнего мгновения не верил в реальность происходящего. Поэтому не стал приводить себя в должный образ, как он это делал, когда шел наниматься на очередную работу.

В этот раз Андрей оделся так, что одежда только подчёркивала его недостатки! В таком виде отправился на место назначенной встречи. Разумом чувствовал, что делает ошибку, соглашаясь на это свидание. Представлял, как стайка молодых дарований будет наблюдать за ним со стороны, давиться от смеха, прикалываясь над доверчивым, уродливым Лохом.

Но сердце взяло на себя управление организмом и настойчиво вело к месту встречи.

Реальность ошарашила. Андрея встретила девушка, именно та, которую он видел на фотографии.

Андрей пытался, что-то мямлить, но Маргарита крепко взяла его под руку и повела чуть в сторону от места встречи к свободной скамье в глубине аллеи, туда, где было меньше народа. Почти насильно усадила его, присев рядом неожиданно сильно обняла и стала целовать в малоподвижные губы. Растерявшись, Андрей начал вырываться из крепких объятий. Он не привык к подобному обращению. Физическая близость, которая бывала у него раньше, не предполагала таких бурных проявлений. Купленные им девицы-путанки просто выполняли работу. Здесь было нечто иное.

– Пойдём к тебе, – прошептала девушка ему в ухо.

– Отец дома, он отдыхает после работы. – Растерянно проговорил Андрей.

– У тебя есть твоя комната, в которой нам ни кто не помешает, – поднявшись со скамейки, Рита, как мысленно назвал её Андрей, повлекла его к автобусной остановке.

События развивались бурно. Сердце шло на поводу желаний тела, не давая включиться разуму. Она приходила к нему через день, каждая встреча проходила как нечто фантастическое. Андрей, неизбалованный женским вниманием, был счастлив. Он летал на седьмом небе. Начал задумываться над созданием собственной семьи, о чём раньше и не смел мечтать.

Пытался в разговорах со своей возлюбленной, а он влюбился безоговорочно и бесповоротно, выяснить, кто она и почему он стал её избранником?

– Я знаю, что я не принц! Я, скорее Квазимодо, которого смерть соединила с возлюбленной! А мы с тобою находимся на этом свете, где всё непросто и нереально.

Но Рита пресекала все расспросы. Только раз у неё проскочило, что она спешит к ребёнку, и ей нельзя оставаться с Андреем на ночь.

Боясь спугнуть счастье ненужной настойчивостью, Андрей не настаивал. В начале знакомства он пытался следить за ней, в надежде выяснить её место жительства, но она всегда ускользала от него. Поиски её данных в виртуальном мире так же не давали результатов.

А потом он перестал это делать. Решил, что просто надо подождать и время всё расставит по своим местам.

Прошел ровно год. В неожиданном счастье время пролетело, как мгновение, как вспышка в сплошном мраке.

Ровно год счастья. А потом Маргарита исчезла! Она как бы растворилась. Все поиски, которые он предпринимал, были тщетными.

Андрей сходил с ума от утраты. Он не понимал, что случилось, метался по городу в поисках любимой. Написал заявление в милицию о пропаже человека, но у него не приняли это заявление, потому, что не мог дать никаких данных о своей возлюбленной. Лишь сделали обыск в его квартире, перевернули всё вверх дном и забрали компьютер.

Андрей не знал ничего об этой девушке, даже не был уверен настоящее ли у неё имя?

Так, приблизительный возраст, цвет волос, цвет глаз, рост и никакой конкретики. Он мучился до тех пор, пока не прислали конверт с фотографиями. И тогда раскрылась истинная суть ситуации.

Оказалось, что этой женщине тридцать лет, просто она умело скрывала свой возраст. При современной косметике несложно выглядеть двадцатилетней девушкой. Она замужем, муж плотно связан с криминалом. И этот мужёнок очень сильно провинился в своём сообществе.

Ему поставили условие: кроме материального наказания будет наказан морально: поделится женой с самым уродливым созданием этого города.

Если не согласится, его ждёт полное разорение.

Семейство бизнесмена согласилось на условия. Жена должна в течение года играть пылкую любовницу. Если фальшь откроется, договор аннулируют. Выбор криминала, пал на Андрея.

Жена богатого, криминального бизнесмена ради сохранения семьи и высокого статуса в течение года разыгрывала влюблённую извращенку под бдительным оком скрытых камер. Она не задумывалась о последствиях, она не думала о том, что будет, с Андреем, когда пройдёт год. Для неё было важно сохранить своё гнездышко и положение в гламурном обществе. На чувства Андрея ей было наплевать!

Вскоре Андрею прислали диск с фильмом, под названием «Красавица и чудовище». В чудовище он увидел себя, красавицей была Рита. Все сцены, которые были его личной тайной, стали достоянием неизвестных людей, которые в конце фильма дали издевательский совет:

– Включай запись каждый раз, когда будешь заниматься рукоблудием. —

Именно это обидело Андрея и явилось той отправной точкой, с которой он начал иную жизнь — жизнь мстителя.

Владимир Алексеев. **Кто страшнее поющего парикмахера**

Я пишу этот текст слегка подшофе. Я выражаю своё сочувствие всем людям доброй воли, которых угораздило родиться кудрявыми. Именно таким был наш куратор, книгу которого «Алгоритмы решения задач по механике» вы до сих пор можете встретить на просторах Интернета. Глубоко седеющий и столь же глубоко лысеющий некогда блондин, он умел поразить нас, студентов, своей искромётной эксцентричностью. То возглашал из древлестуденческих опер крамольные арии, в которых звенело тревожащее слух комсомольцев и активистов слово «девки», то призывал пойти в стоящий по соседству собор насладиться церковным демественным пением и семьярусным небывалым иконостасом. Чисто из эстетических соображений. Нас. Комсомольцев и активистов.

Это было задолго до Чернобыля. Поэтому страхи у людей были какими-то мелочными и детскими. Война (не афганская, тихая и скрытная, а та, что прогремела на нашей земле) давно миновала (а он был участник войны, наш куратор). Очереди в магазинах стали уже обыденными, превратились из места раздражённого стояния истеричных граждан в привычный аналог современных соцсетей. Далеко впереди было то время, когда в хлебном магазине я увидел только пустые лотки да пару красочно облачённых представителей солнечной Африки, запечатлевающих на фото чёрствую горбушку крошащейся Империи.

Это было время-песня! За шестьдесят копеек студент получал талон «на посещение предприятия общественного питания с концертной программой», иначе – на право приобретения комплексного обеда, одного из двух сварганенных виртуозами столовской кухни наборов вкусной и здоровой пищи. Концертной программы, правда, не было, только в дальнем углу сиротливо стояла ударная установка, оставшаяся от некогда лабавшего в этих стенах студизусного патлатого ВИА. Зато цены повсюду были ласковыми! За рубль можно было наесться от пуза, за три – съездить туда и обратно в ставшее нынче настоящей заграницей соседнее государство, за пятнадцать – путешествовать от Таллина (тогда ещё с одним «н» в конце) до Владивостока. Ну, может быть, минимум до Байкала.

Но кудрявым людям и в это благословенное время несладко жилось! И дело не в том, что их везде и повсюду подозревали по пятой графе как врачей-убийц, инженеров-вредителей и кладовщиков-расхитителей социалистической собственности. Парикмахеры! Вот кто был истинным бичом и проклятием обладателей роскошных, а иногда даже и потёртых эпохой кудрей. Возможно, во многом поэтому, а не только в безумном желании подражать Полу Маккартни, Андрюша Макаревич прибегал в своё время для выпрямления волос к помощи утюга...

Да, так вот. Я пишу подшофе и потому вспоминаю своего куратора, ныне давно уже покойного. Однажды он откровенно сказал нам, что приходит на лекции вот в таком же одухотворённом, взгретом с утра рюмочкой спиртного, состоянии. Ибо, – философски заметил он, – человек подвыпивший включает внутреннюю систему повышенного контроля над собой, в итоге допустит намного меньше ошибок, чем расслабленный и разнеженный самоуверенностью, твёрдо стоящий на ногах трезвый собрат...

Уж не знаю, в каком состоянии понесло однажды нашего куратора навести марафет на свои кудри к поющему парикмахеру. Итогом было вот это самое изречение, крылатая фраза, ставшая теперь названием моей философской притчи. Я сам слегка кудряв, когда выпью. Как минимум, имею ярко выраженную волну в чёлке. Когда я был маленький, бабушкина соседка, посмотрев на висящий в нашей комнате портрет Есенина с трубкой, посчитала меня его внебрачным сынишкой. Тоже ведь был не дурак выпить! И, должно быть,

так же сложно, так же мучительно был причёсываем и стригом куафёром Симоном, воспетым поэтом Маяковским в стихах о Власе Прогулкине.

Как ни клади кудрявые волосы, как ни умасивай, как ни мочи одеколонами, лосьонами и прочими туалетными водами, они продолжают топорщиться, встают вихор за вихором, как последние солдаты из траншеи. В итоге выходит некругло. Если только не под Котовского. Поющий парикмахер постриг нашего куратора под Котовского. Ровно наполовину. А потом наш куратор протрезвел. И сбежал.

Он сбежал, а я вот теперь задумываюсь: кто же, на самом деле, страшнее поющего парикмахера? Кто бы мог ответить? Я встречал на своём пути немало умных, достойных и образованных людей. Одарённых, особенно когда они контролировали себя в усиленном режиме. Расскажу ещё об одном выдающемся человеке, встречу с которым подарила мне судьба. Один бывший ликвидатор Чернобыльской аварии, тогда – безменсмен, как называли новоявленных предпринимателей, очень интересно, можно сказать, виртуозно и филигранно, водил машину. Вёл он её идеально, без нарушений. А когда останавливался возле дома, по свидетельству очевидцев, выходил из машины так. Открывается дверца. Двадцать минут ожидания. Появляется и находит для себя опору правая нога водителя (ну не с левой же, в самом деле, ему вставать на твёрдую ногу!). Двадцать минут ожидания. Вторая ступень, вернее ступня, отделяется от коврика под рулевой колонкой и благополучно приземляется рядом с первой. В стельку пьяный водитель готов оторвать чресла от пригретого кресла. Ещё примерно через двадцать минут.

Очень сожалею, но не имел счастья ездить с ним рядом. Ведь в состоянии повышенного контроля над собой и мобилизации всех жизненных сил этот человек без труда дал бы мне ответ на поставленный во главу повествования вопрос! А так я слышал от него только одно запоминающееся славянское присловье перед трапезой, произносимое им вместо кавказского тоста: «Ну что? Напьемся и подерёмся?»

Пойдём логическим путём! Волос на голове много, и они имеют свойство отрастать. Говорят, растут вместе с ногтями даже у Ленина в Мавзолее. А что у Ленина не растёт и у нас уже никогда наново не вырастет? Правильно! Зубы! Первый шаг на пути к постижению истины сделан. Страшнее поющего парикмахера – стоматолог-шизофреник. И это, увы, уже не из кураторских эмпирей, а из моего личного опыта! В семнадцать лет я ни за что ни про что лишился нескольких зубов, попав на профилактический школьный осмотр именно к такой захожей шизофреничке в очках-велосипеде.

Вы полагаете, что доктор в белом халате прежде всего берёт в руки маленькое круглое зеркальце на тонкой длинной металлической ножке? Эта шальная баба училась стоматологии в шахте имени Засядько! Отбойный молоток в дробящихся, крошащихся и разлетающихся веером мелких осколков угольных пластах ничто перед бормашиной в торжествующих руках этой фурии! Именно с неё, бормашины-отбойника, она и начала своё победное шествие, даже не глянув на мои жевательные и кусательные, за две недели до этого подправленные где надо лучшим стоматологом области. На все попытки возражений она гундела себе под нос: «У тя скрытый кариес!» За три дня она выдала на гора с безобразно большими пломбами пять моих зубов. Шестой оставила под мышьяком. И сбежала.

Вы спросите: «Почему?!» Парализующая волю субординация, культивируемая советским строем, и авторитаризм школьных учителей сделали своё дело. Отлынивать от «осмотра» у стоматолога-шизофреника в советской школе не представлялось возможным. А если вас интересует ответ на вопрос, почему она сделала это, и сделала иезуитски именно так, то вот ответ. Лет через шесть я посещал (опять-таки на излёте крошащейся Империи) стоматологию на Октябрьском проспекте. Крупная такая стоматология. Много

докторов в одном кабинете большого сталинского здания. И вот, пока мой доктор исправляла мне некоторые последствия угледобывающего вторжения, тётка за соседней бормашиной, свободная от послушаний, изрекла: «План по дыркам я выполнила. Осталось выполнить только по вырванным зубам!» И я благословил небо, что та стахановка-гагановка-загладовка с шахты имени Засядько выполнила план по вырванным зубам задолго до моего визита к ней на «осмотр».

Да... Но без зубов всё-таки можно жить! Я же вот живу! А есть кроме зубов незаменимые, жизненно важные органы. И получается, что нервический хирург – чик скальпелем! – страшнее больного на голову стоматолога... Правду сказать, за один присест он сможет отправить на личное кладбище не более одного пациента. А вот водитель, даже такой внимательный и ответственный, как тот мой знакомый ликвидатор-безменсмен, протрезвей он хотя бы на одну десятую промилле и утрать контроль над собой, может снести пол-остановки со всеми стоящими на ней людьми. Выходит, что он, в процессе протрезвления за рулём – страшнее...

Ликвидатор... Он ведь и пил-то затем, чтобы заглушить свою болезнь. А из-за чего она приключилась? Какой-то недоучка, олух, не слушавший на уроке своего учителя физики, по блату, должно быть, был устроен «работать» оператором на АЭС, ткнул дурным пальцем не на ту кнопку. И сбежал.

Вот всё и вернулось к кудреватому учителю физики. Получается, его ошибка – самая страшная? Виновата его недоработка над сидящими напротив него олухами и балбесами? Или окаянная стопка, не выпитая им с утра, и приведшая к преступному расслаблению? Не был подшофе – не научил как надо. Естественная логическая цепочка.

А может, виновата страна Советов с поставленной с ног на голову абстиненцией?

А может, плановая система с её учётом вырванных зубов и премиальных «дырок»?

А может, сам по себе род человеческий, каждый из представителей которого страшнее всякого иного живого творения на свете?

Ехала из Владивостока в Псково-Печорский монастырь бабка. На поклонение святыням, мощам, стенам намоленным. Тогда ещё за пятнадцать рублей ехала. А напротив неё сидел за вагонным столиком весёлый рабочий парень в расстёгнутой на ворота клетчатой рубашке.

– Бабка! Куда едешь? И что тебя в такую даль несёт! Космонавты летали, Бога твоего не видели. Ну ладно, ангелы и прочие небожители! А черти-то куда делись? Что же их то не видать?

– Сынок-сынок, черти-то исчезли за ненадобностью!

– Как это?

– В прежние-то времена они людям всяко вредили. А теперь на что они? Теперь – что ни человек, то чёрт!

Вы всё-таки хотите знать моё мнение насчёт того, кто страшнее поющего парикмахера?

А нету меня! Виртуальное общение – оно очень даже удобно!

Пока вы всё это читали, я выключил компьютер. И сбежал.

Артём Квакушкин. По Газону не ходить!

В последнее время газону жилось как-то никак. Ничего не происходило в жизни, ничего не мешало его размеренному существованию. Ничего не мешало. И только мысли жужжали пчёлами, передавая через многотравье цветов свои колебания разветвленной многоуровневой корневой системе, затухая где-то там, в глубине, на кончиках корней. Затухали, порождая яркие цветные и цветастые воспоминания о былом.

Он помнил, как, родившись в парке, впервые осознал себя газоном, после того как заботливая рука садовника вдавила в него острый штырь с табличкой: «По газону не ходить!» Эта табличка сначала весьма удивила его: как это можно ходить по живому? Как это можно топтать самое красивое и дорогое из того, что бывает в мире: красоту и жизнь? Он помнил людские восторги и влюблённо смотрящие глаза, и впервые осознал, что он – красив.

То, что жизнь далеко не подарок, он понял, когда зацвели первые цветы. Первые жадные руки без сожаленья рвали по живому тюльпаны и маргаритки. И газон впервые узнал, что такое боль. Боль потери.

Со временем он свыкся с этим, и развивал свою корневую структуру. Принимал и культивировал в себе залетающие семена чертополоха, выращивая рядом с самыми красивыми цветами колючки. И даже немного радовался, когда очередной Коля, рвущий для очередной Маши букет, со слезами на глазах пытался выдернуть глубоко впившиеся в руку шипы.

Через какое-то время на нём появилась не застающая годами тропа, позволяющая сократить людям путь к аттракционам. Тогда он понял, что многие люди неграмотны и не умеют читать. Ведь они совершенно не замечали табличку: «По газону не ходить!»

А брошенные и не замечаемые дворниками в густой листве окурки и мусор отравляли и без того его нелегкое существование.

Единственное, что радовало – это дождь. Мало того, что он нёс жизнь, заставляя подниматься и колоситься, так и пока он шёл, не было вокруг этих навязчивых и малокультурных хищников – людей. В такие дни он предавался неге и возвышенно мечтал о том, чтобы в мире были только цветы. Ну, еще и бабочки, и пчелы. Ведь куда без них.

В последнее время газону жилось как-то никак. Ничего не происходило в жизни, ничего не мешало его размеренному существованию. Ничего не мешало. Ничего, кроме мыслей. Мысли тревожно жужжали пчёлами, внезапно лишенными ульев, передавая через многотравье цветов свои недоуменные колебания разветвленной многоуровневой корневой системе, затухая где-то там, в глубине, на кончиках корней. Затухали, порождая яркие цветные и цветастые воспоминания о былом. И из всего этого выкристаллизовывалась вдруг внезапно некая нелогичность, выраженная вопросом: «Почему вдруг люди перестали ходить по газону?»

Разведывательный космический зонд облетал планету уже в двухсотый раз. Оператор, отложив в сторону другие дела, приготовился к съёмке. Он знал, что через две минуты появится единственный на этой планете-океане крошечный островок, с покрытым тра-

вой и цветами пятачком-газоном. И странной, неизвестно к кому ё табличкой: «По газону не ходить!»

Александр Теущаков. Белый шаман

Мороз сковал все живое, кругом царит белое безмолвие. Величественная тайга, укутанная снегом, распростерлась на многие километры. Среди елей и лиственниц виден след от крупных волчьих лап. Вот уже два дня преследует огромного волка человек, одетый в легкий, белый полушубок. На голове большая, мохнатая шапка из волчьей шкуры. На ногах, по колено замшевые унты. Мужчина держит наперевес ружье и быстро продвигается на широких лыжах, обшитых оленьей шкурой.

Неделю назад на стойбище оленевода стали пропадать олени. По следам, оставленным хищником, ненецкие пастухи определили крупного волка. Почему волк-одиночка, не боясь людей, стал забегать на стойбище за легкой добычей? Может это отвлекающий маневр вожака и где-нибудь в гуще леса его ждет стая, для того, чтобы насытиться. Хитрый попался зверь, настороженный и по всему было видно, неплохо знал людские повадки. Поймать такого зверя голыми руками нельзя, а убить... Нужна охотничья выдержка и умение выслеживать зверя. Вот и обратились пастухи к Белому Шаману, живущему в тайге уже несколько лет.

Как он появился в этих краях? По этому поводу ходила легенда: будто сам дух тайги послал опытного зверолова к водопаду на Котуе, чтобы он нашел там лихого, смелого человека и помог ему вернуться к жизни. Охотник отыскал, застрявшего между валунов мужчину, с поврежденным лицом и разбитой спиной. Целый год смерть ходила вокруг юрты, не отпуская седого человека. Видимо что-то случилось в его жизни трагическое и непоправимое, раз он не ценил дарованное ему спасение. Человек о чем-то молча скорбел, переживал, маялся. Но, вот однажды во сне его посетил дух и, коснувшись своей дланью его лба, вдохнул в него надежду и разум белого человека воспротивился смерти, могучий организм поборол хворь, и он по весне поднялся на ноги. Позвоночник зажил, окреп, но остался шрам от удара о камни, так же пострадала левая щека, от глаза до нижней скулы протянулся рубец, отметив его мужественное лицо.

Год был голодным, а лето засушливым и все зверье перекочевало из этих мест. Охотник решил сменить место стоянки, но белый человек отговорил его и как – то странно, глядя в одну точку, сказал:

– Ты иди по распадку в сторону Котуя, и между сопок увидишь стадо изюбров, они обитают возле замерзших озер. Охотник послушался белого человека и через неделю вернулся к своей семье в юрту с пищей, добытой на охоте.

Несколько раз везение повторялось, благодаря советам белого человека, который в скором времени покинул юрту и стал обособленно жить в тайге. Северный люд суеверен и поклоняется своим лесным духам. Таежники, охотники, оленеводы стали чаще заглядывать к белому человеку и после общения с ним, на них ниспадала Божественная благодать. По всей округе расползлись слухи о Белом «Шамане», который безвозмездно помогает северным людям. Иногда возле его юрты собирались люди, и плясали вокруг костра, в сопровождении гулких ударов барабанов и звонких бубенов.

После очередного набега неуловимого волка, Белый Шаман успокоил пастухов и, прихватив ружье, отправился по следу в тайгу. На исходе дня, он увидел мелькавшего между деревьев зверя, отличавшегося от своих собратьев большими размерами и великолепной шерстью. Шаман не стал выдавать свое присутствие и решил понаблюдать за зверем. Его охватил большой азарт, он ощутил небывалый прилив жизненных сил, ведь по своей натуре он был смелым и целеустремленным человеком. Находясь в восторженном состоянии, с завидным упрямством, Шаман гнал волка, не давая ему передышки. Временами, когда

хищник отрывался от преследователя, то садился на снег и протяжно выл, затем срывался и убегал в лес. Шаман видел его крепкий корпус, стальные мышцы, как под огромными лапами волка, во все стороны разлетался снег, его молниеносные скачки, когда почуяв, приближение человека, хищник отрывался от преследователя на значительное расстояние.

Шаман потерял зверя из виду, его следы привели к Котую. Ветер быстро засыпал снегом отпечатки на снегу, и напрашивался вывод: нужно возвращаться в свою юрту и начинать выслеживать зверя снова. Но внутренне чутье охотника привело его к пологому берегу реки, упиравшемуся в ряды лиственниц и елей. Тихо, пройдя сотню метров, он осторожно приблизился к поляне и увидел преследуемого волка. Задрав морду, он водил носом по сторонам, пытаясь уловить запахи. И волк учуял человека. Ощерились зубы до верхних десен, словно лязг железа, послышалось щелканье зубов.

До цели осталось около двадцати метров: Шаман прицелился в оскаленную, волчью пасть и потянул пальцем спусковой крючок. На миг их взгляды пересеклись. Палец замер в нерешительности и этой заминки хватило, чтобы волк, сделав огромный прыжок, скрылся за деревьями.

Больше хищник не появлялся на стойбище, видимо существовала невидимая связь между умным волком и сильным человеком, который дал понять зверю, что он зашел на чужую территорию.

Первый тур. Сказка

Александр Паршин. Чужой праздник

Он шёл издалека и боялся опоздать. Осталось всего несколько дней, а ещё нужно подготовиться к ночи Самхэйна. Лишь в эту ночь завеса, разделяющая мир людей и мир сидов становится настолько тонкой, что посвящённые могут проникнуть в миры друг друга.

У себя на родине не смог найти достойное место среди подобных ему, для этого нужно иметь как можно больше человеческих душ. Старые сиды имели всё и души, и места, где люди встречают Хэллоуин. Но это их места, и другим дорога туда закрыта. Были и такие, которые, прожив свой век, не смогли найти место в этой иерархии и превращались в йети, всю оставшуюся жизнь, прячась от людей.

Он не хотел быть ни внизу, ни в середине – только наверху. И отправился в далёкую и огромную страну называемую Россией. Здесь Хэллоуин пока был редкостью. Он знал место, где этот праздник будут отмечать обязательно, и был уверен, здешние люди не подозревают об опасности, которую несёт его присутствие.

Он был умным Сидом и ему нужны были человеческие души.

Парень забрался на завалинку и постучал в окошко, в котором тут же показалась девушка, с длинными русыми волосами и васильковыми глазами.

– Тебе что? – спросила строгим голосом.

– Полина, пошли, погуляем.

– На улице холодно и вечер скоро, – но взглянув на его мужественное лицо, улыбнулась. – Ванюша, дай руку!

Выпрыгнув из окна, девушка попала в крепкие объятия, испуганно оглянувшись, прошептала:

– Увидит кто-нибудь! – и, освободившись от сильных рук, спросила. – Куда пойдём? Хотя в нашем захолустье идти некуда.

– Завтра дядя Алан праздник устраивает, Хэллоуин называется.

– Ничего интересного там не будет. Вырежем рожицу из тыквы и сделаем стукалочку – вот и весь праздник.

– Нет, он настоящий карнавал готовит. Он же англичанин, – уверенно произнёс парень. – Недавно в Шотландию ездил и привёз маски настоящих сидов.

– Кого, кого?

– У них в этой Шотландии сидами называют всякую нечисть.

– Я слыхала, что к этой ночи и нечистая сила готовится, – с опаской прошептала Полина.

– Откуда здесь их сиды, – рассмеялся Ваня. – У нас своей нечисти и то нет.

– А тётка Варвара? – возразила девушка, оглянувшись по сторонам. – Она же ведьма.

– Тётка Варвара своих не трогает. Она порчу лишь на чужаков наводит, – посмотрел на девушку и рассмеялся. – Ты что, боишься?

– Ничего я не боюсь, – смело ответила Полина. – Конечно, пойдём.

– Дядя Алан всё делает, как на его родине, и музыку и даже угощения. Всё будет, как полагается.

– Холодно, что-то. Того и гляди снег выпадет, – произнесла девушка ежась в легкой курточке.

– Сейчас согрею! – парень сильно прижал девушку к себе и поцеловал в губы.

– Кто-нибудь увидит.

– Пойдём к нам на сеновал.

– Ваня, нам и шестнадцать не исполнилось.

– Я же тебя люблю!

– Нет, Ванечка. Дойдём до дома дяди Алана и обратно.

Всю ночь Сид ходил по опушке леса, рассматривая окрестность. Входить в самую деревню не решался. Он мог изменить свой облик, подогнав тело под размеры человека, но лицо чудовище изменить, пока не могло. Для этого нужна душа человека, и тогда его лик станет похожим на лицо бывшего обладателя души. Что бы осуществить свои мечты, сид остался на целый год в мире людей, подвергая себя опасностям, и останется в этом мире как минимум ещё на год.

Ритуал отнятия души сложен. Нужно выпить хоть немного крови жертвы, а жертва должна добровольно его поцеловать.

Сид нашел дом, возле которого будет проходить праздник, и сейчас разглядывал каждый клочок участка вокруг этого дома. Он понимал, что времени на подготовку не будет, и всё будут решать минуты, а то и секунды.

Раздался лай, и Сид увидел мчавшуюся на него деревенскую собаку. Запах он не источал, видно, собака заметила движение в кустах.

«Куда бежишь, глупое животное? – усмехнулось чудовище. – К тому же я голоден. Ты как раз кстати».

Резко выбросив руку, схватил подбежавшую собаку за горло, надкусил на шее вену и стал с удовольствием пить тёплую кровь. Затем отбросил тушу в сторону и долго наслаждался сытостью, растекающейся по телу. В его воображении рисовалась картина подобной процедуры, но с человеком.

Гришка и Димка, закадычные друзья забежали к нему поутру, но судя по их горящим глазам, думали те явно не о школе.

– Ванёк! – произнёс Гриша шепотом. – Дядя Алан просит помочь ему с оформлением праздника. По полтиннику за каждый час платит.

Ваня приложил палец к губам, увидев идущую мать, и стал бросать в пакет общие тетради.

Забросив по пути эти пакеты в сарай, отправились к фермеру. Встретил Алан их приветливо и, поздоровавшись за руки, приказал:

– Вон тыквы. Будете делать Светильники Джека.

Ребята с удовольствием взялись за работу. За день сделали по четыре фонаря со страшными рожищами и установили их вместе со свечами на столбы. Сделанная работа и так доставляла удовольствие, а полученные деньги, это удовольствие увеличили многократно.

Сид наблюдал за подготовкой к празднику из леса. Видел возводимые сооружения. Те были просты, но в их тени ночью можно спрятаться, не боясь быть замеченным и опознанным. Самое главное найти жертву – того, кто наденет маску, похожую на его первозданный облик. Такие у фермера Алана есть – это он знал точно. Хорошо бы завлечь жертву в лес, который рядом. Там будет совсем темно.

Полина с подружками накрывала деревянные столы прямо на поляне перед домом фермера, а её любимый с друзьями зажигали свечи в светильниках Джека.

Любуясь горящими тыквенными рожицами, парни подошли к девчонкам.

– Что там у нас вкусненького? – Гриша обхватил свою подругу Риту огромными ручищами за талию.

– У нас одни пироги с тыквой и яблоками.

– Пойдут! Отрежь-ка нам три кусочка!

– На троих соображаете?

– Озёрские сейчас придут. Их Гаврилов обещал нас побить. Надо для храбрости немного выпить.

Друзья забрали пироги и отправились в будку, откуда доносилась музыка, наполненная скрипом, воем волков и подобными звуками.

Через полчаса, весёлые и довольные вышли оттуда и увидели фермера, машущего им рукой.

– Маски наденьте! – с улыбкой приказал он. – А то у вас настроение уже хорошее, пусть и другие повеселятся.

Маски были мохнатые и изображали чудовищ. Одев их, ребята пришли в неописуемый восторг. Тут же отправились к девушкам и с рычанием бросились на них. Крик ужаса и восторга возвестил о начале весёлого праздника.

– Озёрские придут, мы так и выступим, – восторженно произнёс Иван. – Маски и их на несколько секунд в ступор загонят, и удары смягчат будут.

– Идут! – Дмитрий кивнул на опушку.

Друзья, не снимая масок, бросились в сторону леса, откуда появились озёрские, возглавляемые Гавриловым и незнакомым парнем, без сомнения наитяжелейшей весовой категории.

Сид наблюдал за происходящим с того момента, когда на праздник стали собираться первые зеваки, но чёткого плана так и не было. Появился этот план, когда фермер дал парням маски, одна из которых очень сильно походила на его настоящее лицо. Когда тот парень подошёл к девушке и обнял её, Сид вскрикнул от восторга, ясно представив, как заполучить не одну, а две души.

Всё складывалось идеально – в лесу парни стали драться, и понять что-либо в сгущающихся сумерках было невозможно. Когда же намечаемая жертва отлетела в кусты к его ногам, оставалось лишь оглушить и оттащить подальше в лесок. Здесь Сид снял с Ивана куртку, джинсы, обувь и надел на себя. Их хозяин был достаточно крупным, и тело без труда приняло облик бывшего владельца.

Драка его больше не интересовала, его интересовала подруга парня. Не найдя своего возлюбленного на месте драки, Полина бросилась в лес. Пробираясь через колючие кусты, не заметила острой ветки, которой Сид провёл по её лицу. Вскрикнула от боли, но тут же услышала:

– Полина! – перед ней стоял Иван в той же маске, но голос был чужим.

– Ваня, что с тобой! – испуганно спросила она. – У тебя голос какой-то странный.

– Этот здоровый мне два зуба выбил. Теперь придётся весь вечер в маске ходить, – раздалось в ответ, и тут же испуганный вскрик. – Полина, а что у тебя со щекой? На ней кровь. Дай посмотрю!

– Что там, Ваня!

– Сейчас залижем.

Она почувствовала, как шершавый язык стал касаться её кожи.

– Ваня ты у меня всю кровь выпьешь, – томно зашептала девушка. – И язык у тебя какой-то шершавый.

– Ты ещё бы на мои зубы посмотрела.

– Давай, посмотрю! Что с ними? – с тревогой в голосе предложила девушка.

– Полина, поцелуй меня! – попросил он лукавым голосом. – От твоих поцелуев любая боль пройдёт.

Девушка обняла могучую шею и коснулась губ. Жадный поцелуй был бесконечным, а его объятия сжимали грудь стальными тисками. Она стала задыхаться, попыталась вырваться, силы оставляли её, и вскоре Полина потеряла сознание. Чудовище подняло девушку на руки и, припав губами к открытой ране, понесло в лес, наслаждаясь горячей кровью юной жертвы.

Опустив девушку на сырую хвою, Сид совершил необходимый ритуал, затем достал зеркало и взглянул – на него смотрело бледное лицо девушки. Ухмыльнулся и стал снимать с жертвы одежду. Одежда оказалась мала, и он с трудом втиснул туда своё тело, затем вернулся на поляну и одел лежащего без памяти парня.

Ваня пришёл в себя от ощущения, что кто-то переворачивает его. Сел потряс головой, снял с лица маску. Застегнул куртку, встал. Голова закружилась. Постояв немного, парень направился в сторону деревни, вспоминая, что с ним произошло. Полина появилась как-то неожиданно, словно из-под земли.

– Где ты ходишь? – спросила она хриплым голосом. – Я всё горло сорвала, крича тебе.

– Полина, меня кто-то оглушил, – промышчал парень, окончательно так и не придя в себя.

– На шее кровь, – в её голосе чувствовался ужас. – Нагнись! Какая рана глубокая и кровь течёт. Давай, залижу!

Она стала осторожно слизывать кровь. Это продолжалось довольно долго, пока парень не произнёс:

– Полина, ты у меня всю кровь выпьешь.

– Поцелуй меня и поклянись, что больше не будешь участвовать ни в каких драках!

– Первую просьбу выполняю с большим удовольствием.

Парень обнял девушку и стал жадно целовать. Её объятия становились всё крепче и крепче и вот уже сжали парня с силой, на которую не способна не только хрупкая девушка, но и здоровый мужчина. Попытка вырваться не увенчалась успехом, и он во второй раз потерял сознание.

Напившись и его крови, Сид положил их рядом, снял с себя и бросил одежду девушки. Второй ритуал также увенчался успехом, превратив его лицо в мужественное лицо парня. Довольное чудовище отправилось вглубь леса, где в укромном месте лежала другая одежда, приготовленная им.

– Вот и всё! – радостно произнёс он. – Утром буду полным владельцем душ. До рассвета ещё можно вернуть души прошлым владельцам, но утром я буду очень далеко от этого места.

Сид шел, не останавливаясь несколько часов по дремучему лесу, мечтая о будущем. Рассвет окрасил небо в серый свет, постепенно добавляя в него голубые тона.

– Вот и всё! Теперь эти души мои навсегда, – улыбнулся Сид рассвету.

Всю ночь веселилась деревня на этом новом и таком весёлом празднике. Лишь далеко за полночь Дмитрий, провожая свою девушку домой, увидел Гришу с подругой и спросил:

– А где Ваня?

– Наверно, с Полинкой где-нибудь целуется.

– Сейчас позвоню, – Дима набрал номер, но ответа не последовало.

– Дай-ка я Полине позвоню! – Рита вырвалась из Гришкиных объятий. – Тоже не отвечает. Может что случилось?

– Когда вы их последний раз видели? – Дмитрий задумался, сощулив глаза.

– После драки я его не видел, – стал вспоминать Гриша. – Последний раз его видел, когда он стал драться с тем здоровым, затем мне кто-то врезал, я в ответ...

– Про драку не надо, – остановил его Дима и, повернувшись к девчонке, спросил. – Рита, а ты когда Полину последний раз видела?

– Когда вы убежали драться, – стала вспоминать девушка. – Мы через пару минут отправились следом.

– Значит, после драки их никто не видел. Надо ещё раз позвонить, – он вновь набрал номер. – Не отвечает. Где они сейчас могут быть?

– На сеновале, – скривила губы Рита.

– Идёмте искать!

Но ни на сеновале, ни дома их не было. На звонки тоже не отвечали. Через час все, кто мог стоять на ногах после праздника отправились прочесывать лес. Нашли их под утро, лежащими в ельнике в растрепанной одежде и окровавленными лицами, без признаков жизни.

Односельчане стояли над ними, не зная, что предпринять, когда раздался чей-то голос:

– Варвара идет.

Все испуганно расступились, пропуская вперед стройную женщину лет сорока, в прекрасно подобранной одежде с высокой замысловатой прической на голове. Та внимательно осмотрела юные тела, пристально посмотрела вглубь леса и произнесла голосом, не допускающим возражений:

– Отнесите их ко мне домой! В больницу и милицию не звонить. Это не поможет, – и, оглядев односельчан, добавила. – Зря вы стали справлять этот праздник.

У себя дома, она приказала положить детей на кровать и, выгнав всех, стала совершать какой-то обряд. После его завершения вышла из дома, закрыв дверь на ключ. К ней бросились родители Вани и Полины:

– Варвара, скажи, что с ними?

– Кто-то забрал их души, и крови немного выпил, – произнесено это было спокойным голосом, от которого у окружающих поползли мурашки по телу. – Попробую что-нибудь предпринять.

Ведьма отправилась в лес. Она зашла в самую глубь, перейдя овраг, очутилась в непроходимой чаще.

– Леший, выходи! – громко крикнула в сторону ельника. – Видишь ведь, что я пришла.

Из леса вышел мужичок в кафтане, запахнутом на правую сторону и сапогах, одетых наоборот. Волосы его были ярко зелёные, глаза без бровей и ресниц горели таким же зелёным огнём.

– Мог бы ко мне навстречу и в более приличном облике выйти, – проворчала ведьма.

– Тебе, что здесь надо, Варвара? – сердито спросил Леший. – Мы же договорились друг друга без серьёзного повода не беспокоить.

– Повод более чем серьёзный. У меня в деревне один иностранец живёт. Решил он организовать чужой праздник, после которого деревенские нашли два тела, парня и девушки, без признаков жизни. Это наши ребята.

– А мне какое дело до этого? – пожав плечами, спросил Леший.

– У них души забрал кто-то, но он чужой, – зло проговорила ведьма. – И теперь бродит по твоему лесу.

– Этого не может быть. Я об этом сразу бы узнал.

– Умный он очень. Я его тоже проворонила. Леший, найди этого умника и приведи ко мне! Пусть вернёт души моих людей.

– Попробую, – задумчиво произнёс мужичок. – Но боюсь, после рассвета души обратно в тела не вернуться.

– Вернутся, я об этом позаботилась, но нужно сделать это не позднее трёх дней.

– Ладно, Варвара, я пошёл! Как бы он за пределы моих владений не ушёл.

Сид и весь следующий день шёл по нескончаемому чужому лесу. Под вечер показалась опушка и он очутился... Возле деревне, где вчера был праздник. Для него это было то же самое, что заблудиться в трёх соснах.

«Кто же меня вычислил? – стал размышлять Сид. – Я так спокойно всё время передвигался по лесу, и его хозяин даже не догадывался обо мне. И вдруг... Впрочем, ничего страшного, просто потерял немного время, а у меня его – девать некуда».

Сид повернулся и направился обратно. Под утро почувствовал идущего человека, быстро принял облик парня, недавнего владельца одной из душ, и смело пошел навстречу.

– Здравствуйте! – произнёс он вышедшему мужику в потёртых джинсах и старой штормовке. – Заблудился я что-то. Дорогу найти не могу.

– Ты её никогда не найдёшь, сид несчастный, – спокойно ответил мужик. – В этом лесу я хозяин.

– Так ты, значит Леший, хозяин этого леса. И что от меня хочешь? – смело спросил Сид.

– Даю тебе два выбора. Первый. Будешь бесконечно плутать в моём лесу, а если всё же удастся выбраться, попадёшь к моему соседу или к Водяному. Короче, далеко ты не уйдёшь, и вечно будешь здесь скитаться.

– А второй?

– Возвращаешь души и больше не появляешься в нашей местности.

– Поздно души возвращать, – весело рассмеялся Сид. – Это до рассвета можно было сделать.

– Не поздно ещё. Мы не глупее тебя, если смогли во всём разобраться. Можешь пару деньков ещё здесь побродить, а можешь и навечно остаться. Выбирай!

– Сейчас выберу.

Сид огляделся, подошёл к берёзе в руку толщиной, сломал её, очистил от веток. Получилась палица длиной в человеческий рост. Он с огромной скоростью покрутил это оружие над головой и с улыбкой спросил:

– Что ты там про выбор говорил?

– Уж, не драться ли ты со мной собрался? – засмеялся Леший.

– Почему бы и нет?

И тут хозяин леса захохотал так, что деревья задрожали, затем закружился, становясь с каждым оборотом выше и выше. И вот уже перед Сидом стоит великан, выше деревьев ростом, длинные всклокоченные зелёные волосы как ветви дерева, лишайниковая борода, обросшее мхом лицо, толстая, как кора, кожа.

– Так значит, ты драться со мной хочешь? – Он вырвал с корнем огромную сосну, обломал крону. – Тогда защищайся.

Успел Сид отпрыгнуть, а на том месте от удара великана яма образовалась. Бросился пришелец в лес дремучий, а оттуда медведи, огромные, могучие.

– Разозлил ты меня, чужак, – прокричал Леший громовым голосом. – Теперь выбора у тебя нет.

На следующую ночь в окно Варвары раздался стук. Она улыбнулась, словно давно ждала этого визита и пошла открывать. На пороге стояло чудовище, похожее на снежного человека, выпавший снежок подчёркивал это сравнение.

– Заходи! – предложила ведьма, как старому знакомому.

– Значит, вот кто меня вычислил, – ухмыльнулся Сид. – В изощренный ум вашего хозяина леса я сразу не поверил.

– Что ж ты такой умный пришел без спроса в чужие владения и стал хозяйничать? – улыбнулась в ответ ведьма.

– Души человеческие нужны.

– Пришёл бы и попросил по нормальному – может, и договорились бы, а сейчас придётся вернуть.

– Твои верну, – согласился Сид и, подумав, добавил. – Я другие найду.

– Ну, ну! – улыбнулась ведьма. – Поживём, увидим!

Сид вновь ухмыльнулся и, не спрашивая разрешения, направился в соседнюю комнату, где на широкой кровати лежали бездыханные тела подростков. Он вынул нож и сделал разрез на своём левом запястье, из которого закапала кровь. Сид наклонил руку над лицом девушки и несколько капель упали на её губы, следующие – на губы парня. Читая непонятное заклинание, провел рукой по телу девушки, то же самое повторил с парнем. Затем сильно ударил их по щекам.

– Что это? – Ваня приподнялся, потряс головой и уставился на страшного колдуна.

И тут раздался пронзительный крик, проснувшейся Полины, прижавшись к парню, она с ужасом смотрела на ведьму и Сиду.

– Я пошёл, – ухмыльнувшись, произнёс тот и вышел из комнаты.

Такого праздника в деревне ещё не было. Увидев утром, в понедельник идущих Ивана и Полину мужики чесали свои тяжёлые от похмелья головы, вспоминая, что прошлой ночью, вроде, нашли их мёртвыми. Парни, кроме этого, вспоминали и драку с озёрскими, хвастаясь перед девчонками своими подвигами. А уж об Иване и Полине говорить нечего. Случившееся с ними они всю жизнь помнить будут и внукам своим расскажут. Кто ещё может похвастаться, что на том свете побывал и с нечистой знавался. Одним словом, хоть праздник чужой, но удался на славу.

Он не вернулся к себе на родину, а пошел дальше на восток, вглубь русских лесов. Там много деревень, в которых толком не знали ни о проклятых сйдах, ни о празднике Хэллоуин, ни о ночи Самхэйна. Тем не менее, люди справляли этот непонятный праздник, не задумываясь о традициях и возможных последствиях. Для них главное было веселье и раздолье праздника, чтобы широкая русская душа развернулась во всю ширь, что бы праздник этот запомнился надолго.

Он твёрдо решил остаться здесь навсегда. Он был умным Сидом.

Татьяна Сунцова. Зависть ведьмы

В стародавние времена в долине, окружённой холмами да лесами, жили люди ликом светлые, волосом русые. Сильные, статные, до работы хваткие: кто деревья валил, избы рубил, кто серпы ковал, кто горшки обжигал, а кто-то Богам в капище молился... Все были при своем деле. Через долину протекала река по прозванию Светлая. На берегу стоял Большой город, а во всей долине было несколько поселений. В одном из них в семье гончара дочь подрастала. Ещё девчушкой бегала, а старики говорили, что редкой красавицей растёт. Звали девицу Милавой. С малых лет отцу помогала. Научилась не только горшки да тарелки делать, но забавные игрушки – свистульки. Детишкам раздавала на потеху. А в семье дровосека рос – подрастал сын Ярослав. С малолетства был силен, а как юношей стал, равных ему по силе не было. Однажды на празднике Бога Солнца, когда молодёжь в хороводе вокруг костра кружилась, встретились взглядами дочь гончара и сын дровосека, и с тех пор молодец потерял покой. Не радовали его больше ни птичье пенье, ни журчанье лесных ручьёв...

Вскоре глава рода дровосеков – Добромysl объявил, что пришла пора для правнука Ярослава невесту искать. По завёдённому издревле обычаю не мог жених сам себе невесту выбирать, за него это делали старшие. Будущую жену выбирали всем родом: чтоб здоровая, сильная была, в хозяйстве всё делать могла, чтобы потом достойно род продолжала. Выбрали для Ярослава плотникову дочь – Русину, старшую из четырёх дочерей. Девка была высока, в плечах широка, словно Боги сына отцу дать в подмогу хотели, да ошиблись немного. Так Русина вместо парня отцу избы рубить помогала. Так топором махала, только щепки летели.

Как услышал Ярослав, что в жены самую здоровущую девку сулят, бросился вон из избы. Побежал на берег, рухнул лицом в травы, и горе его было таким огромным, что руками не обнять, глазом не окинуть. Впервые его слеза Землю – матушку окропила. Вздрыгнула Земля, приняла горе молодца в себя и передала заботу о сыне Ярославе не только деревьям вековым, но даже маленьким зверькам. Мышка – полёвка рассказала о горе молодецком своим сестрам, а те донесли эту боль до домашних мышей в поселении. Сидела в горнице Милава, расписывала игрушку – пичужку краской лазоревой, вдруг на стол мышь забралась. Девица вскрикнула, глиняная забава упала, раскололась. Милава пошла в закуток, где глина лежала, а там всё было выбрано. Взяла берёзовый туес и пошла на берег за глиною. Увидела лежащего человека, испугалась, вскрикнула. Ярослав обернул к ней лицо, вскочил, глаза радостью вспыхнули, а Милава сказала:

– Напужал ты меня, Ярослав! Думала, забрали Боги чью-то душу! А ты, видать, умаялся, прилёг отдохнуть. Утомился в лесу за работой. Прости, потревожила.

– Ты, сама прости, Милавушка. За глиной пришла? Давай помогу.

Набрали глины, понёс туес Ярослав в гору. Шёл и думал, как поведать девице о кручине своей, как узнать, чем её сердечко полнится. Наконец, собрался с духом: «А позволь спросить, Милава. Приглянулся тебе кто – нибудь из наших молодцев?»

– Приглянулся, – тихонько засмеялась девица.

– А каков он: станет, силен? В делах – ремёслах хорош?

– И статен, и силен, и своего дела мастер!

– А ликом пригож? Волосом рус али чёрен? – Спросил Ярослав, а сердце забилося часто – часто, потому как во всем селении чёрные волосы были только у Ярослава да отца его Сивояра.

– Волосом чёрен, глазом тёмн, а душою светел, – ответила Милава и потупила взор. Обрадовался парень, схватил девушку на руки, закружил, а когда поставил за землю светлосую, вспомнил о Русине и горько вздохнул.

– Что закручинился, Ярослав?

– Боль – тоска меня съедает. Выбрали мне невесту. Сватать будут соседку Русину, а мне ты мила. Что делать?

Побледнело девичье лицо, горький вздох болью отозвался в сердце парня:

– Ничего не поделаешь. Придётся покориться воле родительской. Придёт пора, и меня отдадут в семью чужую. Буду работать без роздыха, а ночью в подушку слёзы лить.

– Не бывать тому! Завтра сбежим из рода – племени! Уйдём далеко, где травы шелковые, где ручьи хрустальные, где ягоды сами в руки падают! Аль я не мужчина, что не смогу сам судьбу решить?

– погоди, Ярославушка. Нельзя без благословения родительского! Не будет нам счастья.

На берегу лесного озёра в чаще леса горел костёр. Рядом стояла девица красоты необычной: в кости тонка, лицом смугла, нос тонок, волос долог. Каждая прядь черно – синей змейкой вьётся, на ветру не шелохнется, настолько волос тяжёл. Шептала девица слова неведомые, бросала травы в огонь. Вдруг на поляне появилась женщина в тёмной одежде:

– Данара! Что делаешь? Духов вызывать вздумала?

– Да что мне духи! – вскрикнула девица, – я сама могу...

– Что ты можешь? – усмехнулась мать.

– Смотри! Кое – что могу! – Девушка тряхнула головой, протянула вперёд руку, та удлинилась сначала вдвое, потом ещё, вырвала цветок на краю поляны, укоротилась и бросила цвет к ногам матери. Та всплеснула руками: «Ну, вот... Беда пришла!»

Сразу вспомнила свою мать – колдунью, вспомнила, как бежали из родных земель от людского гнева, оказались в чужих лесах. А когда бабушка ушла на Небо, думала, что с ней и сила ушла, а оказалось, что кое – что успела передать внучке.

«Что делать? Как жить дальше? – думала женщина, закрыв лицо руками, – Прознают люди в селеньях, Данару в озере утопят, дом сожгут, младшим дочкам тоже жить не дадут!» Подняла голову, сверкнула очами и сказала дочери:

– Нам колдунью в доме не надо! Иди на все четыре стороны, ищи своей доли!

– Да куда я пойду, матушка? Как проживу одна?

– Почему одна? Жениха найдёшь, замуж выйдешь!

– Да кто посватает меня безродную да бедную?

– Какую бедную? Ты богаче всех на свете.

– Как?

– А ты руки в землю опусти да пошарь там.

Дочь удивилась, но так и сделала. Удлинила руки, опустила в землю, через некоторое время вынула, ободранные кулачки разжала, упали на землю камни разноцветные: гальки, шпаты, кусочки гранита и среди них изумительной красоты голубой кристалл. «Ну, вот, – сказала мать, – наберёшь таких чудных камней побольше, и станешь, гляди, богаче самого князя». Посоветовала дочке пойти в долину, камней набрать, продать в Большом городе и купить на вырученные деньги всё, что нужно. Дочь согласилась и отправилась в Большой город.

Когда Данара добралась до первого поселения в долине, то решила остаться там. Люди удивили спокойствием, приветливостью и дивным умением красоту создавать. Каждый дом – терем расписной! В избу проситься на постой зашла, горница светом озарила: рушники, накиды на лавки узорами ткаными были украшены, посуда расписная теплом согревала. Хозяйка дома – Добродея, жившая со старой матерью и мальчишкой – приёмным, согласилась взять девицу на проживание, а плату положила – помогать по хозяйству, в огороде.

Однажды, сделав все дела, пошла Данара на поляну за поселением, где девки да парни хороводы водили. Познакомилась с девицами. Не успела имени назвать, как одна назвала её Чернавой. Так и стали все называть, а Данара и рада была, потому как настоящее имя сразу выдавало иноземку.

Однажды собралась хозяйка в Большой город на ярмарку и Чернаву взяла с собой. Град удивил девушку! Хоромы на главных улицах были в два, три яруса, огромное капище на холме в середине града, идола богов, казалось, подпирали небо. А сколь разного народа на улицах было, повозок, телег! А какая ярмарка раскинулась на берегу реки! Тут можно было купить всё, что душе угодно: ткани, одежду, обувь, посуду, животных, самую разную снедь... У Чернавы глаза разбежались: али сахарных орешков взять, али изюму заморского, али сарафан синего атласа. Всё хотелось купить, а денег не было, лишь в потайном кармане драгоценный камень лежал, но как его взамен товара отдать? Тут наткнулся взгляд на удалого мужичка, который бойко торговал заморскими шёлковыми тканями, коврами чудной красоты. Выбрала момент, подошла и спросила: «А шелковый отрез на камень поменяешь?» Только мужик, смеясь, хотел спросить, не булыжник ли ему предложить хотят, Чернава раскрыла ладонь, и брызнули голубые искры, когда луч солнца кристалла коснулся. Онемел торговец от такой красоты. Отдал девице отрез на платье, ещё мешочек с монетами добавил с оговоркой, что если есть ещё камни, чтоб непременно ему несла. Очень хотелось вызнать, откуда такое чудо, но не посмел расспрашивать, когда девка чёрным взглядом, как кипятком ошпарила.

Деньги и отрез Чернава спрятала, а через некоторое время решила богатство здешней земли изведать. Пошла в лес, будто по ягоды, а сама запустила руки в лесную землю. Удивилась Мать – Земля, и щекотно ей, что чьи – то руки змейками по поверхности роются, и не по нраву богатства легко отдавать. Вздохнула Земля, и все драгоценные камни вглубь ушли. Рылась, рылась в земле Чернава, с трудом насобирала камушков, вынула исцарапанные руки, а в ладонях – один сор. Ничего ценного! Разозлилась девица, и вдруг вспомнила, что в Светлой реке золотые крупы находили. Побежала на берег, вытянула руки, зачерпнула полные ладони песку, слила на платок, а как вода стекла, стала каждую песчинку рассматривать. Тоже ценного не нашла. Пуще прежнего разозлилась! Снова запустила руки в реку и давай песок баламутить, буруном воду в реке крутить. Не понравилось такое реке. Чтоб от ведьмы избавиться, вышвырнула на берег слиток золота. Увидела девка, схватила, руки от жадности затряслись.

За три летних месяца смогла всё – таки Чернава из земли несколько драгоценных камней вырвать, из реки пригоршню золотых крупинок намыть. Ушла из селения в город. Тот же торговец скупил камни и золото и не посмел отказать черноглазой в просьбе, помог купить дом, лошадей, нанять слуг. И зажила Чернава по-новому. Долго спала, сладко ела. Слуги всё делали. Задумалась богатая невеста о замужестве. Думала, как разбогатеет, так женихи у ворот в очередь встанут, а никто не помышлял даже знакомиться с приезжей девицей с тёмными недобрыми глазами.

В то самое время уговаривал Ярослав Милаву сбежать с ним от родителей и устроиться в Большом городе, где народу было больше, чем деревьев в лесу. Пока девица раздумывала, Ярослав решил уехать и сначала самому обустроиться. Добрался до места. Шёл по улице среди теремов высоких и думал, что неплохо было бы к плотникам наняться, и вскоре братья – плотники приняли силача в свое братство. «Обживусь, – думал Ярослав, – и заберу с собой Милаву».

Ждала девица милого дружка. Уже осень наступила, а не было вестей от Ярослава. Точила сердце девичье тоска чёрная, катились из глаз слёзы горячие. Наконец, дошли слухи, что видели в Большом городе силача – плотника, который топором, как игрушкой,

играет. Поняли родные, что это есть Ярослав. Снарядили за ним младшего сына. Через несколько дней остановилась пара лошадей у дома дровосека. Вошел во двор Ярослав. Сапоги новы, рубаха шёлкова, узорчатым поясом стан перехвачен. Поклонился старшинам рода, попросил прощения за побег и, не успев ответного слова выслушать, попросил посватать за него Милаву. Только Добромысл поднял посох, чтоб объявить свою волю, назначив Русину в невесты, Ярослав топнул ногою и сказал громовым голосом: «Богиня Лада в праздник Ярила мне на Милаву указала, не стану я перечить Богам! Да и не жить мне без неё!»

Какая же свадьба была через месяц! Краше невесты с женихом не было на всём белом свете, а счастье молодых было так велико, и такой свет исходил от лиц, что у гостей дух захватывало. А потом долго – долго смотрела вслед мать, утирая слёзы, когда молодые уезжали из родного дома.

А тем временем Чернава обживалась в городе, знакомилась с зажиточными соседями, и не сразу заметила новую семью на соседней улице. А когда увидела их на рынке, сердце Чернавы дрогнуло. Красивая светлолицая жена рядом с чернокудрым богатырём казалась бабочкой на могучей ветви. Ах, как же Чернаве захотелось самой встать рядом с таким супругом! «Он мне больше подходит! У нас даже волос одного цвета», – прошептала она, и рука сама – собой удлинилась и погладила чёрный локон на затылке Ярослава. Вздрыгнул богатырь, обернулся, а ведьма руку спрятать под шаль успела, а вот глаз бесстыжих не успела потупить, и обжёгся молодец о взгляд горящих чёрно – синим пламенем глаз.

Обнесло ему голову, шагнул вперед, споткнулся на ровном месте, как спотыкается конь, чуя силу колдовскую. Сжалось сердце в предчувствии беды, но тряхнул головой, и отступила слабость. Обнял за хрупкие плечики свою ненаглядную, и пошли вдоль торговых рядов. А Чернава с той поры потеряла покой. Ночь за ночью снились ей кудри черные, глаза карие, плечи широкие. И мнилось ей, что брал на руки и нёс далеко – далеко: одним шагом поле перешагивал, другим – лес дремучий и приносил в родную сторонushку, где солнце светило ярче, тёплый ветер гулял на просторе, цвели алые маки, и сама степь разноцветным ковром ложилась им под ноги...

С той поры неладное стало твориться в избе Ярослава с Милавой. Неведомая сила горшки била, квашню переворачивала, огонь в очаге гасила, еду пересаливала. Стоило отвернуться от печки молодой хозяйке, как закрывались вьюшки, и чёрный дым валил в горницу. Ничего не понимала Милава. Дома у батюшки хлеба выходили высокими, щи да каша – объеденье! А тут, что ни состряпает хозяйка – в рот взять невозможно. Хлеба подгорали, в похлебке – сор, в пирогах – камни! Не по нраву стало такое житьё Ярославу, стал на жену сначала ворчать вполголоса, а потом вообще ругать, дня без ссоры не проходило. Плакала Милава днем, плакала ночью, рыдания подушкой заглушая. Молила Богов помочь ей справиться с напастью, но ничего не помогало! Как – то начала рубашки супругу разбирать, а вся одежда на полоски порезана. Вот тут зарыдала в голос, а муж как раз с работы пришёл усталый, голодный, увидел, что на столе пусто – пирог рыбный исчез со стола непонятным образом, хотел зачерпнуть из кадушки водицы ключевой, а к кадушке дыра образовалась, и воды – ни капли.

А тут ещё Милава вместо рубахи лоскуты держит, трясется вся, сказать ничего не может. Плюёт он под ноги, хлопает дверью, идёт по улице, бранится. Лицо злобою искажено, глаза молнии мечут. Видит, стоит у резных ворот девица в шелковом полушалке, чёрная коса почти земли касается. Держит в руках жбан. Шумно глотает слюну Ярослав, а девица молвит:

– Не желаете квасу испить, господин хороший?

– Желаю. Очень желаю! – Хватает жбан, и мучимый жаждою, выпивает всё до капли, вытирает усы ладонью и начинает благодарить.

– А может, вы покушать желаете? У меня как раз стол накрыт.

Что – то внутри подсказывает Ярославу, что негоже в чужой дом входить, но чувство голода шепчет: «Пойди, поешь, тут пирогами с камнями потчевать не станут!»

На славу угощает Чернава Ярослава. Слуги уж пятую перемену блюд делают. Молодец благодарит девицу от души, и, окинув взглядом богатое убранство избы, высокую кровать с перинами пуховыми, чувствует, как клонит ко сну. Встает, хочет к двери идти, а ноги сами несут к кровати, и падает он в подушки лебяжьего пуха, а просыпается только утром. Лежит в незнакомой постели, одетый, голова больная, тяжёлая, рядом девица красы нездешней: ресницы чёрные, длинные, ноздри тонкие от дыхания трепещут.

Вскочил Ярослав, бросился вон из избы. Выскочил за ворота и наткнулся на сидящую на земле Милаву. Жалостью резануло сердце, схватил любимую за руки, а она губы сжала, руки вырвала, слезу со щеки смахнула, и побежала не к дому, а к реке. Ярослав – за ней! А она не бежала, словно летела над землёй. Не успел догнать! Бросилась с обрывистого берега прямо в холодные воды Светлой реки. И приняла её река в свои объятия.

Данара – Чернава всё видела и радовалась, с улыбкой вспомнив, как длинные проворные руки закрывали вьюшки, переворачивали горшки, воровали пироги и бросали грязь в кашу Милавы... А как увидела, что Ярослав хочет броситься в реку, быстро удлинила руку и схватила молодца сзади за кушак. Рвался Ярослав к реке, к обрыву, чтоб спасти жену любимую, а сила неведомая держала, не давала и шага вперёд ступить. Рвался, рвался, так и не смог с места сойти. Сел на берег и заплакал. Вдруг ощутил, чья-то лёгкая рука погладила по голове, изловчился и схватил её. Ойкнула от боли Чернава, потянула ладонь из руки мужика, а Ярослав уже повернулся, и увидел не человека перед собой, а длинную натянутую белесую толстую верёвку, которая тянулась через кусты и травы к городской окраине, а в его ладони пальцы тонкие были зажаты. Недолго думая, стал наматывать странную тёплую, словно живую, веревку на кулак и продвигаться вперед. Таким образом добрался до дома Чернавы, и когда увидел, что живая верёвка шла от плеча Чернавы, а сама корчилась под окном, змеей извивалась, схватил рядом лежащий топор и отрубил руку по самый локоть.

Брызнула алая кровь на топтун – траву. Взыла по – волчьи Данара, а Ярослав схватил за волосы и вытащил на середину улицы. На крики и вопли быстро народ собрался. Суд был скорым. Порешили связать ведьму, привязать камень на шею и утопить в той же реке, где погибла невинная Милава.

А через пять дён постучалась в окно Ярославу старая женщина и сказала, что подобрала на берегу реки умирающую, потерявшую память девушку, выходила, как смогла, а вчера девица пришла в себя, назвалась Милавой и рассказала о вероломном муже.

– Где она? – закричал Ярослав, ещё не веря своим ушам. – Веди меня к ней!

– Нет! – твёрдо сказала женщина. – Мне велено только сказать, что жива она, а возвращаться не хочет.

Опустил голову Ярослав, потом пал на колени перед женщиной:

– Передай Милаве моё искреннее раскаяние, скажи, что люблю её и всегда только её любил, скажи, я сам утопил ведьму, которая позавидовала нашему счастью. Пусть возвращается.

Женщина покачала головой, подивилась словам и обещала всё передать девице.

Через год у Ярослава с Милавой сын родился. Назвали его Ладомир. И с тех пор в семье плотника всегда царили мир и лад.

Удмуртия, г. Можга. 20.02.2015

Владимир Алексеев. Гараня

Какой бы сказка ни была, а и к присказке приступочек надобен. В мышиный лаз не глянешь в пару глаз, а коли ловко прищурница – оно тожия не безмыслица. Осина и на дрова хороша, да под поленницей подосиновик не вырастет. Сидел кот на дубу, думал думу голубу: то ли песню спеять, то ли байку сбаять, то ли так сметанки поест. А вам, друзья, пора кружком сесть, да сказку послушать.

Медмедей в наших краях страсть как много. А зайцов всё-ж таки поболее будет! Львов так и вовсе не встретишь, не зимнее лев животное. Вот в пустыни при Иордани – то дело другое! Там, насупротив, медмедей недостача. Так уж Земля устроена, вареники в одном месте, а жбан со сметаной в другом. Сказка на то и хороша, что всякому варенику свою сметанку подаёт!

Ты уж думал было, то сказка? А то была ишио и не присказка! Вот послушай-ка присказку. Варил ветер-балабол русски буквицы в кипучем озере. А чтоб звери их попусту по полям да лесам не разнесли, нагородил кругом озера остёр частокол. Потом свистнул-гикнул: «Приходите, добры люди, за буквицами на готовое!». Первые-то масковски да твярски прискакали, у их кони резвы, а у наших поморов что ни лодья, то чистая попалдья: пока перекрестится, вся Псалтырь на язык поместится. Так-от мы и припозднились.

Масковски да твярски остры частоколы повыдьяргали, да с ими и дёру: дескать, наздогонят наши, да отымут. Робята-то на вёслах все дюжие да ражие. Ну а нам одни мельничные колёсья на том озере и остались, что потяжельше, да однако ж и покрулее. Так-от и говорим теперь: МАскВА Акает, усех назидАет дА тАкает, кАжут в МАске любья враКи – публИКА и верит пАки-пАки

ПОмОрский-тО рОд ОтрОдьясь не любит, кОли ктО врёт. ГОвОр ПОмОрОв ПОкруглее, ПОтяжельше, нО и премнОгО ПОдОбнее истине. КОли сОврём – ОтрОдьясь тОлькО небылицу, слОвнО пустим ПО ПОлю ОсьминОгую кОбылицу, при тОм же ОднО скажу: прО быть душОю не ПОкривим.

Вот те и быть на разговеньице: оказался как-то в наших краях Пырси́к высокородный, не из самой Масквы даже, а из башковитого царского села Склокова – А вот – говорит, я вашим медмедям суну в бок чудес клок, они от того и на балалайке играть почнут, и частушки петь на чистом аглицком наречии!

Он-от поюсом поверх тулупа подпояхался — его из-за пояса-то и самого не видеть. Подошёл к медмедю с другого боку (с этого-то побоялси). Медмедь как рявкнет! Клок-от чудес как об землю брякнет! И в Китае слышали! Подошли наши мужики к тулупу, развязали пояс, а Пырси́ка-то уж и нету. Таки дела случаяцца!

Ты, верно ждёшь, коли сказка – так тут тебе и звери почнут говорить, и великан какой-никакой объявица. По крайности – мальчик с пальчик, хитёр да востёр, ведьму-людоедицу на лопату посадит, да в печку запихнёт. Нету у нас поморов ничего такого чудесного. Вся небывальщина у нас как море подо льдом, тиха, бела и на разговоры неприветлива. Про зверей, так и быть, расскажу. Одначе, молчаливые они у нас, одно слово – безсловесные. Не сподобились за тем ветряным-балабольным частоколом ни одной разговорной буквицы. Ну, а кака ж сказка без разговору? На то есть у нас Гараня, мужичок не то чтобы рослый, но и не хлипкой. Когда копорский чай собирает, завсегда шапка из кипрея выглядывает. Так себе ростом мужичок, а коли каким глазом сощурица – будто бы и на одну бровь выше.

Поморски-то избы у нас знатны, велики. Когда крапива по весне под стеной проби-вацца, так всё ей и думаецца:

– Это что-то я до оконницы не доросла?

Вот так она и растёт, и растёт. Глянешь супротив той крапивы на наших мужичков, хучь на пильшиков, хучь на сплавшиков, одно слово – улитки. Ну, и Гараня наш таков же будя. Вот тебе и великан, вот тебе и с пальчик!

Гараня-то только что дома Гараня, а при всём честном народе в полном собрании, хучь баклуши бьём, хучь капусту квасим, прозываем нами – Гарасим. В Церкви-то на Причистии поп и вовсе его Герасимом величат. Был-де такой Герасим Иорданский, который льва в пустыни исцелил, из лапы занозищу удалил и до полного выздоровления хвораго выхаживал. Так-от на Гаранины-то именины поп в проповеди и сказал. И прибавил ишо, что была между Герасимом и львом во всю жизнь дружба великая, а как преставился Герасим, лев ему могилу когтями вырыл, сам старца погреб и на могиле той от умиления сердечного издох.

– Вот и ты, раб Божий, таковой дружбы сподобляйся! – присовокупил поп и щёлнул Гараню медным крестом по маковке, просфору праздничну по случаю именинов из кармана вынув.

Гараня-то в прежни времена о дружбе со львом и думать не знал. А тут ему попово благословенье не тем боком в голову-то и стукни:

– А что ж? – размыслил он сам в себе, – Парень я видный, состоятельный, лицом обожательный, что бы и не задружиться мне с каким лютым зверем на случай драки али другого какого злключения.

С тем из Церкви и вышел.

– Льва-то в наших краях сыскать проблема, так пушай хоть кто помельче, да поновистей у меня в друзьях будет.

Завязал узелок с провизией и пошёл в лес.

Лес-от у нас, тот и взаправду волшебной. А медмеди, говорят, в ём лесные свяшпенники. Кабы медмедь сразу Гараню назад-то благословил, тот бы недолго скитался да мыкался. Так ведь нет, – иньший день медмеди как на парад в деревню ходют, только что без ружьев да сабель, а тут вышло у них с Гараней полное расхождение интересов. То ли прослышали они, что мужичок-от не их, а льва розыскиват, то ли вон вышли по надобности на какую благородну ассамблею. Не было их, одначе, на ту пору в лесу. А мужичку-то нашему медмедь по самой малости и был ох как надобен!

Шёл-шёл Гараня, долго ли коротко, шага два ступил – видит, ёж на тропке клубочком свернулся.

– Ага! – думает себе мужичок, – До льва-то ёж, почитай, двух медмедев недорос, однако ж колюч, да занозист. Коли подпихнуть кому под драку такового друга под мягко место, так уж и одним сопротивником меньше будя!

Так-от он подумал, а сам-то и не знат, как к ежу подступицца. Шапку с головы снял – мысля пропала. Шапку надел – ежа взять нечем. А голыми руками так и сяк подступись – не возмёшь.

– Ох, – смекает Гараня, – Зря я рукавицы дома забыл!

Пошёл-то он в лес летом. Зимой у нас ежи в лесу и не встречающца, по норам спят. Тут припомнил про то и сам Гараня, да и говорит в сердцах:

– Эх! Задружился бы я с тобой, ёжик, да больно ты в зиму сонлив. Скажу ишо, тулупчик твой от моды самолучшей далече. Кабы был ты гладок, шелковист да кудряв, аки агнец, покудасть гармоника под драку не наяриват – так и был бы ты мне по гроб жизни верный друг!

Ёжик пофыркал, да и укатился в листву под коренья. А что ежу сказать? Он буквиц говорящих не знат!

Перешёл Гараня пригорок, да ложбинку, да упавшу лесинку, да ишо трясинку, видит – лиса перед ним огнём по осинничку мелькат.

– Эге! – размысливат мужичок, – Лиса зверь хитрой да бывалый. С лисой и в голодный год без курятинки не останесся! Силов-то у неё превеликих нету, почитай, до льва полтора медмедя недотягиват, мелковата. Одначе и умом друг дорог, не одною тяжёлой лапою!

Так-от он смекнул, а у самого умишка не хватат, чем бы лису к себе приманить. Щурился он, шурился – лиса всё дале и дале, ан неприметней не делаицца.

– Ох, – запечалился Гараня, – лиса-то весь день приметна, рази что об ночь свои хитрости обделыват. Это что ж мне, всяк день ночи ждять-дожидатца, чтоб пользу-выгоду от дружбы с ею поиметь? Нет, не в дружбу мне плутовка рыжая.

Так от благорозумно и россудил.

– Эй! – гикнул он на прощание, – Задружился б я с тобою, лиса, кабы шубка твоя была как у горностаюшки, мягка да пушиста, летом по земле, зимой по снегу неприметна. А ноне уж больно ты рыжа, ступай себе домой восвояси!

Лиса на те речи Гаранины ничего не сказала. То ли слов не знала, то ли далёко уж была.

Ходил Гараня день, ходил другой. Набрёл на третий день на годовалого медмеджонка-пестуна. Тот от мамки отбился, ишо не оженился, таким же парнишкой по лесу шлялся. Годовалый медмедь и собой не велик, и реветь по-страшному ишо не обик. По таким резонам Гараня нимало медмедя не испужался. Смерил мишку плотницким-бондарским глазомером – с хороший бочонок будя. А всё до льва Иорданского цельного большого медмедя недотягиват.

– Угу! – бормочет мужичок, – Поизмельчали нонче медмеди. Да и на что оне мне? Занозиться-то медмедю, поди, есть где. Хучь на вырубке, хучь на сплаве. А только какой резон занозищу у энтого мишки из лапы выкорчёвывать? Жди, когда подростёт, да в силу войдёт, да окрестные пасеки разведат. А боками-то, гляди, как мягок да нажорист. Небось всё себе подгребат, делицца с почтеньем да разумением не приучен. Тут с голодухи с таким другом схудать-помереть недолго. А что яму напослед когтями выкопат – кака ж в том радость?

Разумен был Гараня на все случаи поморской жизни. Оттого и тут не сплеховал.

– Ох, – притворну скуку на себя напустил, – Задружился бы я с тобою, медмедь, парнишка ты для гуляний справный, холостой, и на гармонике мог бы запросто обучицца, да я, знашь ли, всё больше гусли люблю. А у тебя когти востры, ты мне на гусях, коли расчувствуисся, вси струны порвёшь.

Хитёр был Гараня воду мутить, кады налим под корягою.

А медмедю – что? Какая ж тут обида? Смолчал медмедь.

Так прошёл Гараня весь лес, и никого себе в друзья не сыскал. У оленя ноги больно тонки, да и рога не весь год в справности. У филина глаза слеповаты. Кабан кореньями да жолудями чавкат сверх всякого на то дозволенья. Про зайцов и говорить нечего – страсть и ужась как их у нас много, ижно глаза разбегающа, аки заяц от заяца. Гараня уж и думать

забыл, на что ему те зайцы сдались. Попробовал заприметить одного знаком заветным – каа-кое там! Ишши ветра в поле!

Так от и вышло, что одно зверьё сметливостью не выдалось, друго како – только для бабьего тетёханья рази что и годилось, иной сустреченный уж больно был зверообразен да неказист, а инышие потому уж в друзья не задались, что были, как их ни наряди, бес-портошные. Гараня-то думал, что лев Герасимов в портках ходил. Житий-то он церковных не читал, а и читал бы, так там об этом не сказано и не доказано.

Долго ходил он по свету да на свет белый дивился. Побывал Гараня и в Эстляндии, и у дальних саамов да лопарей, что сами незнамо что лопочут, а над нашим словом хохочут. Осталось ему только ножкой дрыгнуть, да на небо прыгнуть, там среди ангелов небесных себе друга сыскать.

Можно было б и тут ишо постараться, по лесам да болотам ходить да мараться, однако ж притомился Гараня, лбом дружбу тараня. Лёг он спать, а сам загадал наперёд: пусть-ко ся мне дружба суженая-благословлённая нонче присницца!

И приснилась ему девица красная писаная, в кокошнике златом, кафтане белом, по полам зверями свирепыми, львами лютыми червлеными изукрашенном.

– Ты ли, – говорит ей Гараня, – льва Иорданского со старцем Герасимом задружила?

– Ай не видишь? – смеётся девица.

– Подскажи и мне, с кем дружбу водить. Может, и в наших краях поморских по батюшки попа благословению для меня лев сыщется? Друго-то зверьё для меня, Гарасима, мелкогато да неказисто.

– А ты спроси у самого Герасима, как он друга выбирал.

Засмеялась опять, обернулась вокруг себя и сгнула, будто и не была вовсе.

И видит Гараня, идёт к нему старец Герасим Иорданский, положивши руку на холку огромного, но смиренного и кроткого льва. Подходит к тезоименитому своему совопроснику, и говорит ему преподобный одно таково слово: «Коли дружбы ищешь, чадо, что не так в других – разбирать не надо: не других изменять старайся, но сам для дружбы пуще меняйся».

С тем Гараня и проснулся.

А я вот как думаю, что дружба – дело не только благословенное, но и моленное.

На том и знакомый мой еромонах букву ижицу на полях сей сказки поставил. Вот таку: ѵ

Буквица-то знатна да хороша, не по-мАсковски рогами в землю, а лёгкими да весёлыми крылами в небо. Я так мыслю, что сказку нашу там в небесну стаю примут. А про землю что ж горевать – пока живы, тут нам дано время не других менять, а самим меняцца. Чтобы и звери, и ангелы небесные дружбу с нами за честь почли.

Владимир Вишняков. **Сказка о великой пользе науки физики**

Жил-был царь, и было у него три сына – что само по себе примечательно, ибо к числу «пи» близко... Старший сын был зело талантлив – звание профессора имел. Средний тоже не хилый: кандидат наук да доцент. А далее по прогрессии арифметической уровень образованности у сыновей царских снижался – вплоть до младшего Иванушки.

Учился Иванушка на факультете физическом. Глуп ли был царевич, не нам и судить – пусть сие тест Айзенка определит. Одно знамо: ленив был. Учился азам науки спустя рукава наш Иван. Батюшке говаривал: «А на кой бином мне образование сие? Толку от того, что в жизни не пригодится!». Качал головою только мудрый царь...

Призвал как-то отец сыновей и молвит им:

– Настал черёд вам, царевичам, жениться.

Молвит средний сын:

– А как же, батюшка, нам жён себе искать?

– Поиск жены – процесс вероятностный, случайный, – почесал бороду старший сын.

– Да-да, стохастический... – промолвил сын средний.

– Опять словами иностранными ругаются, – проворчал Иванушка. – Да просто всё, как СТО Эйнштейна! Берёт каждый лук тугой да стрелу пускает. Куда падёт по воле силы ньютоновой стрела – там и искать суженую будет соискатель.

Подивились братья, а царь-батюшка улыбнулся:

– Ну, будь по-твоему.

Вложил Иванушка стрелу оперённую в лук с тетивой заданной упругости, что закону Гука не противоречило. Приложил он силу мышечную кинетическую к тетиве упругой, да преобразилась силушка сия в потенциальную. Отпустил царевич тетиву под углом в шестьдесят градусов – и сообщил стреле импульс да с ускорением. Полетела стрела высоко, да с силою Иванушкиной стала сила тяготения вектором складываться, определяя для стрелы царевича траекторию параболическую. Достигла стрела экстремума сей параболы, да далее силою результирующей влекомая пала наземь.

Долго ли коротко шёл Иван за стрелою, да наконец увидел на лесной опушке дуб одинокий да крепкий. Ближе подошёл, глядь: около дуба Змей Горыныч о трёх головах отдыхает, посапывает, а рядом девица-краса в клетке томится.

– Кто ты, девица? – спросил Иванушка.

– Ой ты гой еси добрый молодец! – молвила девица. – Зовут меня Василисою Премудрою. Похитил злой Змей меня, в клетку посадил.

– Зачем же ты ему, краса?

– Несёт меня чудище к Кощею Бессмертному. Задумал окаянный жениться. Да не пойду я за него вовек!

– Отчего ж? Что стар?

– Да если б только стар, – вздохнула девица-краса. – Образования три класса у него! О чём мне с ним толковать, дни коротать?

– Дело молвишь, краса...

– Выручай меня, добрый молодец! – взмолилась Василиса. – От Змея проклятого да от Кощея-неуча упаси!

– Да как же мне их одолеть?

– Знаю только, что под дубом сим смерть Кощеева хранится. А остальное сам думай, добрый молодец, – молвила Василиса. – Ведь у тебя-то образование, чай, не три класса да головушка светлая на плечах?

Тут проснулось чудище лютое трёхголовое, завидело Иванушку да глаголет ему голо-
сом громким, децибел так под сто:

– Чу, духом русским пахнет! Вот и обед мой сам пожаловал! Да неплохой: на глаз так килокалорий на сорок тысяч потянет!

– Ты погоди облизываться, – ответил Змею Иван. – Вот ты людей только пищевой цен-
ностью и меришь. Авось тебе на что ещё сгожусь?

– На что ж тыгодишься мне? И кто вообще таков?

– Зовут меня бакалавром наук физических. Хожу я по землям местным да людей доб-
рых награждаю. Мечты им исполнять помогаю, – расправил плечи Иван.

– Это как? Колдовством каким али чародейством? – удивился трёхголовый.

– Да нет! Наукою, – ответил важно царевич. – Хочешь, и твою мечту исполню?

– Да как же? – пригорюнился Змей. – Вот летать мечтаю аки птица вольная, высоко да
быстро... Да масса больно велика. Машу крыльями, едва от земли отрываюсь...

– Ну, это горе не беда! – махнул рукой царевич. – Аки птица может и не выйдет: сильно
уж тебя земля-матушка по закону тяготения всемирного притягивает. Но дело поправимое.
Есть наука хитрая да премудрая: аэродинамика!

– Это как это? – вопрошало чудище.

– Наука – сила великая. Коли ты крылья свои расправишь широко да разбежишься как
следует, воздуха потоки, поверхности крыльев твоих обтекая с разною скоростью, по закону
Бернулли создадут градиент давления и силу волшебную – силушку подъёмную. И взмоешь
ты ввысь быстрее сокола!

– Научи-ка меня, мудрец, сей науке! – прорычал Горыныч, крылья расправив.

– Тут всё просто, – рукой махнул Иванушка. – Главное: скорость высокую на взлёте
развить. Это ж ты можешь?

– Отчего ж не могу?

Расправил крылышки Змей окаянный и давай по полянке носиться аки ветер. Смотрят
на него Иванушка с Василисушкой да посмеиваются.

Запыхался Змей, наземь повалился и молвит едва слышно:

– Утомил ты меня, умаял... Не работает твоя наука, мудрец.

– Всё работает, Горынушка! – отвечает ему царевич. – Стараешься ты плохо.

– Научи как следует, не то изжарю...

– Ну, хорошо. Пойди на край полянки, собери все силушки свои потенциальные, раз-
бегись хорошенько – да прямо на дуб сей! Ежели постарайся, приобретёшь импульс необ-
ходимый – мечта твоя сбудется!

– Ну, смотри, бакалавр, – прохрипело чудище поганое, – ежели обманул, испепелю...

Разбежался Горыныч да с самого лесу через поляну всю понёсся аки ветер со скоро-
стью около 0,8 маха аж – да и втемяшился головами тремя в дуб вековой. Дуб, получив весь
импульс чудища лютого, с корнями из земли-матушки вывернулся – а из Змея и дух вон.

– Видимо, Горынушка, интеллекта твоего коэффициент обратно пропорционален коли-
честву голов, – молвил тогда царевич Иван. – Всякий бездарь знает – даже я – что не взле-
тишь ты никак: форма крыла-то у тебя неаэродинамическая!

Подошёл ближе Иванушка – а на корне дуба векового ларец железный, как Василиса
и говаривала. Открыл его наш герой, а внутри яйцо, да диковинное. Глядит Иван, а то не яйцо
и никакое – а кардиостимулятор дистанционный. Посылает прибор сей импульс на частоте
пятьдесят мегагерц к искусственному водителю ритма, что в сердце злодея Кощея имплан-
тирован.

Жахнул Иван прибор басурманский оземь – и наступила у Кощея асистолия с исхо-
дом летальным. И поделом ему: не будет похищением людей промышлять, ибо статья 126-
я УК РФ.

Освободил Иванушка Василису из клетки, привёл её к бабушке-царю да с благословения одного и женился. И помогла Премудрая муженьку новобранному экзамены кандидатские сдать, а опосля и диссертацию защитить.

И я на той защите был, и в перерыве мёду пил. А сказочке конец.

Алина Бестужева. Дар Отшельника

За ледяным морем среди диких темных лесов меж непроходимых гор затаилось небольшое королевство Арнборг. Многие слышали о нем, многие хотели побывать в этих далеких землях, но лишь избранным это удавалось. А тем временем в королевстве текла своя жизнь: разнообразная, полная счастья и страданий, побед и поражений, надежд и разочарований...

Илва затянула подпруги, погладила Бегу по рыжей гриве и уже собиралась запрыгнуть в седло, когда брат окликнул её.

– Чего тебе?

– Илва, ты с ума сошла! Опять на охоту вздумала сбежать? Мало того, что в мужском седле, так еще и в брюках!

Не обращая внимания на брата, Илва оседлала лошадь. На прошлой охоте люди отца затравили волчью стаю, вот только одного молодого хищника умудрились упустить. Илва хотела развлечь себя погоней за одиноким зверем. Девушка спрятала тугую русую косу под длинный подбитый горностаем плащ, поправила кинжал на поясе и собиралась исчезнуть с территории замка, захватив с собой свору борзых.

– Отец будет злиться. Ты же принцесса! – мужчина брезгливо поморщился, – Принцесса в штанах!

– А как по твоему мне охотиться? Без штанов? – принцесса усмехнулась, – Эйрик, кончай занудствовать. Лучше приведи мне с псарни пару собак.

– Ты допрыгаешься, Илва! Вот увидишь: либо волки тебя сожрут, либо отец выдаст замуж за какого-нибудь иноземного ублюдка.

– За ублюдка вряд ли. Папаше нужно золото и оружие. Да и воинская подмога королевству не помешает. Так что быть мне обменным товаром. Лучше пусть волки сожрут, чем достанусь коронованному уроду.

Эйрик вздохнул и пошел за сворой. В чем-то сестра была права. Король не был хорошим отцом, часто перебирал медовухи, любил золото и подумывал открыть границы королевства. Да и женщина, которую он привел, овдовев, не была образцом доброты и благочестия. Может смерть матери повлияла на Илву, может поведение отца, вот только сестру было не узнать. Эйрик чувствовал, как в сердце Илвы зарождается жестокость и равнодушие ко всему окружающему миру. Когда он сталкивался с ее ледяным взглядом, дерзкой злой усмешкой и змеино-ядовитыми речами, принцу становилось страшно.

Колючий воздух царапал нежную кожу принцессы, ветки цеплялись за растрепавшиеся волосы, снег сыпался с потревоженных деревьев прямо за шиворот. Лошадь рысью неслась вперед, туда, где слышался звонкий лай собак, загнавших свою ослабевшую жертву в тупик. Девушке было жарко от затянувшейся гонки и предвкушения скорой расправы. Она притащит убитого волка в замок и сошьет себе капюшон из серой шкуры. Посмеется над братом и швырнет труп под ноги отцовской шлюхе.

Запах цветов и мёда, словно по волшебству, переносил в далекое прошлое. Маленькой девочкой она бегала по зеленым склонам, раскинувшимся недалеко от замка у подножия Орловой горы. Там она собирала сиреневые цветы вереска, из которых мама заваривала ароматный чай. Чай для нее и брата. Отец воровал пирожное с их подноса и со смехом убегал куда-то по своим делам. Илва на него не обижалась – взрослым ведь тоже хочется сладкого...

Пробуждение было неприятным. Сильная боль в спине, жар, не хватает воздуха... Илва закашлялась и резко попыталась встать. Кто-то настойчиво потянул ее за плечи, заставляя опуститься обратно.

– Тебе лучше остаться в постели. Я приготовил чай из трав. Выпей, станет легче.

Илва прислонилась спиной к деревянной стене. Незнакомый мужчина подал ей большую чашку с дымящимся зельем.

– Что случилось? Кто ты? – голос не слушался и хрипел.

– Ты хотела навредить лесу. Вызвала недовольство Отшельника, вот он и наказал тебя. Испугал лошадь и спас волчицу от псов. Не сладко тебе придется.

– Что за глупости! Отшельник – герой страшилок, чтоб детей пугать.

– А ты взгляни на свою руку.

Илва опустила взгляд на запястье и чуть не выронила чашку. Вены вздулись и побегали, словно вместо крови сердце девушки гоняло яд.

– Почему ты спас меня?

– Я тебя не спасал. Просто решил дать шанс. Если принцесса замерзнет в лесу, разве что-то изменится? Наверняка все охотники в округе собрались бы мстить ни в чем не повинному зверью за дочку короля.

Илва сделала глоток, и горячая жидкость обожгла ей горло. Сладкий вкусный чай. Чем-то напоминает мамин. Вот только мама давно умерла.

– Знаешь, что я принцесса? Надеешься, отец тебя наградит? Это вряд ли. Ему не до меня сейчас. Наш король кроме пивной кружки и своей женщины ничего не видит.

– Золото меня не интересует. Лес дает все, что мне нужно.

– Значит тоже в зверье пострелять не прочь?

– Я хищник, как и другие обитатели леса. Убиваю ради пищи. А ты – ради удовольствия. Откуда в твоём сердце столько жестокости?

Илва рассмеялась. Кто он такой, чтобы судить ее!

– Люди жестоки. Смотреть на мир глазами ребенка – наивная ошибка.

– Ошибка – быть настолько слепой. Отдохни, и пойдем к Отшельнику.

Прошел час, как Илва с незнакомцем покинули деревянную избушку и принялись блуждать по лесу. Было не ясно, знает мужчина дорогу, или идет наугад, но принцессе ничего не оставалось, как следовать за ним. Терять было нечего. Илва сама не заметила, когда перестала ценить жизнь. Уговорят отшельника – отлично, не уговорят – не велика потеря.

Внезапно проводник резко остановился и девушка, шедшая следом, врезалась в широкую спину. Илва уже хотела обругать мужчину, но подняла взгляд и осталась стоять молча с открытым ртом. Перед ними непонятно откуда возникло огромное дерево, напоминавшее дуб. Оно было необъятным в ширину, а ветви с зеленой, несмотря на зиму, листвой практически полностью загораживали небо. В нижней части ствола находилось огромное дупло, в проеме которого темнел человеческий силуэт.

– Эгиль, зачем ты эту женщину привел? – человек вышел из дупла и остановился в метре от них. Это был старик в длинном сером балахоне, волочившимся по траве. Лицо, испещренное морщинами, выражало недовольство, густые брови сошлись возле переносицы, седые волосы свисали до самого пояса, а усы и борода были заплетены в косы.

– Отшельник, я прошу тебя, выслушай принцессу! Мне кажется, душу ее растлевают проклятье, пострашнее того, что разрушает ее тело.

– Проклятье это на себя сама девчонка наложила. И только лишь сама способна снять его.

Илва вслушивалась в неприятный разговор, когда рычание отвлекло ее внимание. На девушку медленно шла молодая волчица. Взгляд зверя горел злостью и ненавистью, холодные серые глаза неподвижно смотрели на принцессу.

– Царица леса за свою семью отомстить желает, – Отшельник жестом успокоил хищницу, – Мог бы позволить ей: прав на убийство больше у нее, чем у тебя, дочь человека. Ваши охотники отняли у волчицы радость жизни, вместе с родною матерью, отцом, сестрой и братом.

– А мою мать погубил ваш лес. Отец с горя совсем рассудок потерял, брат – отгородился. Так что прав у меня не меньше.

– Ты ошибаешься, дочь мужа лживого. Не лес в твоей беде виновен. Тебе лишь выбирать – жизнь потерять свою в плену иллюзий, или рискнуть за правду побороться. Вот только драться будешь ты сама с собой.

– Мне нечего терять, старик. Говори, что от меня требуется.

– С тобой плохого я не делал ничего. От ненависти почернело сердце и от горя, вот кровь и стала медленной отравой. Тебе позволил я УВИДЕТЬ только: глаза твои заколдовал и уши. Теперь ты видишь мир таким, коков он есть, и слышишь речь без липкой лжи. Но человек не может удержать столь ценный дар. Исчезнет он, как только к людям выйдешь.

– Так как же быть, Отшельник? Принцесса не способна видеть истину без твоих заклятий! – воскликнул Эгиль.

– Не бойся мальчик мой, я помогу принцессе, – Отшельник подошел к Илве и, положив свою дряхлую кисть на плечо девушки, продолжил, – Дочь человека, превращу тебя в сову. Ты к брату полетишь, и будешь слушать.

Не успела Илва понять истинный смысл сказанного, как тело ее покрылось перьями. Через мгновение принцесса обратилась в хищную птицу. Теперь выбора не было – сова взмахнула крыльями и полетела в сторону замка.

Эйрик не мог заставить себя вернуться в замок. Кисти рук сводило от холода, но принц продолжал метать ножи в мишень. Внутренний двор погрузился в сумерки, а лезвия все так же рассекали морозный воздух, вслепую вонзаясь в выкрашенное дерево. Уже два дня прошло, как Илва исчезла в диком лесу. Сначала вернулись собаки, потом отыскала дорогу замерзшая испуганная лошадь. Одного стремени не хватало. Глупо было думать, что сестра просто решила сбежать...

Эйрик в очередной раз занес руку для броска, но замер: из темноты появилась бурая сова. Птица без страха села на плечо принца, заставив его прекратить бессмысленное развлечение. Эйрик вздохнул и пошел в заднюю часть двора. Когда они были детьми, Илва часто играла там: ждала, когда брат закончит тренировки, чтобы утащить его в лес. Не обращая внимания на толстый слой снега, принц опустил на скамью.

Птица издала резкий крик, словно напоминая о себе. В королевстве Арнборг было поверье, что совы могут общаться с миром мертвых, а иногда и вовсе носят души умерших на своих крыльях. Эйрик не сомневался, что на его плече сейчас душа мамы.

– Здравствуй. Я знаю, ты здесь, потому что я не сдержал обещание. Не сберег сестру... Я буду искать её столько, сколько потребуется. Отец не захотел меня слушать: он не верит, что с Илвой может что-то случиться. Ведь ты отдала жизнь ради нее, а значит, сестра должна быть под защитой долгие годы...

Резкая боль заставила Эйрика встать. Когти распороли толстую ткань плаща и оцарапали плечо. Сова улетела.

Деревья размытой серой тенью проносились рядом, небо и земля слились в одно целое, сознанием завладело безумие. Илва летела вперед, не понимая, человек она или зверь. Боль обжигающим потоком струилась из центра её груди, наполняя каждую клеточку тела. Боль выжигала неведение, но не спасала от ненависти и горя.

Чьи-то руки подняли её обнаженное тело и перенесли в тепло. Сознание не хотело снова становиться человеческим. Илва вырывалась что было сил, кричала и рыдала, но объятия не становились менее крепкими. Наконец-то принцесса поняла, что все прошло, и она тихо плачет, уткнувшись лицом в плечо Эгиля.

– Это не лес её убил, это я... Понимаешь, мать отдала жизнь ради меня. Столько лет ненавидеть отца и лес, а теперь осознать все это...

– Илва, все не так, я знаю. Это не вся правда! Завтра мы снова пойдем к Отшельнику, и он поможет...

– Нет, я не хочу...

– А как же жертва твоей матери? Неужели впустую? Помнишь, Отшельник сказал, что биться тебе придется со своим собственным сердцем.

– Не оставляй меня одну, Эгиль. Я так устала ненавидеть...

Волчьи лапы, словно сами, несли вперед, к замку. Почему Отшельник решил превратить её именно в волчицу? Отец ненавидит волков, как она сможет пробраться к нему в этом виде?! Всю жизнь Илва верила, что серые хищники разорвали её мать, лишив королевскую семью счастья.

Удивительно, что никто из стражи не заметил зверя в коридорах замка, но Илва успешно добралась до каминного зала. Принцесса не сомневалась – несмотря на ранний час, король Арнборга будет там.

Отец сидел за пустым столом, сжимая в руках большую кружку с медовухой. Стоило Илве показаться ему на глаза, король Гудбранд вскочил со скамьи с таким выражением лица, будто демон явился ему.

– Стой! Стой, ведьма! – кричал отец, размахивая кружкой, словно щитом, – Зачем ты пришла сюда? Я тебе все отдал! Ты забрала у меня самое дорогое – любимую жену. Я уже сполна ответил за свою ошибку!

Илва зарычала. Неужели в смерти матери виноват её отец?... Может Отшельник сделал её волчицей, чтобы Илва смогла отомстить?

– Как ты не можешь понять, я не знал, что она твоя дочь, не знал, что творю! Оставь меня и моих детей в покое! Чего еще тебе нужно, горное чудовище?!

Она вспомнила сильные руки Эгиля, его теплые слова, вспомнила безутешного брата и то, как он на самом деле оберегал её после смерти матери, вспомнила, что кроме ненависти в мире есть и любовь. Илва внимательно посмотрела на отца и увидела уставшего, сломленного горем человека, несущего на плечах свою вину перед самыми родными людьми. Что именно он совершил, она не понимала. Но должна была понять. И пережить.

Эгиль провел ладонью по русым волосам девушки. Илва снова пришла к нему, прежде чем отправиться к Отшельнику. Мужчина был уверен, что в последний раз прикасается к нежной коже её рук. Больше он не услышит звонкий голос, не увидит серых глаз... Принцессы предназначены принцам, а он... И не важно, что именно Эгиль разглядел чистую душу за мерзкой паутиной ненависти и обиды.

Но все это не имеет значения. Главное, Илва сможет избавиться от проклятья.

Халла отворила двери спальни и сразу все поняла. Большая рысь лежала на её кровати и пристально смотрела на женщину. Жена короля Гудбранда тихонько заплакала.

– Я знала, что когда-нибудь ты придешь, чтобы освободить меня. Прости, за то, что была ужасной мачехой! Я не хотела этой роли. Когда-то давно, совсем девчонкой, я сбежала из пещеры, где мы жили. Моя мать, горная ведьма, запрещала мне даже показываться на глаза людям, ведь нет созданий злее и лживее. Но тот человек казался мне добрым и прекрасным. Никогда моя душа так не пела, как той ночью... Мать узнала о моем позоре, обратилось волком, и пришла к тому мужчине. Он оказался королем. Ведьма сказала, что убьет его дочь, если он не возьмет меня в жены. Королева подслушала разговор и пришла в пещеру. С тех пор ее никто не видел, а я живу с королем. Вот только меня тоже проклинали – нет чувств во мне к твоему отцу, кроме ненависти и отвращения, и покинуть замок я не могу.

Халла подошла ближе, ожидая расправы: ведь это она виновата в несчастье этой семьи. Рысь спрыгнула с кровати, подошла к женщине и уткнулась мордой в изящную руку. Халла почувствовала, больше колдовство матери не имеет над ней власти.

Илва уже несколько часов гуляла по лесу, безуспешно пытаясь отыскать избушку Эгиля. Проклятье снято – принцесса простила отца и Халлу, избавилась от ненависти и злобы, увидела, насколько прекрасен лес. Пусть маму она не вернула, зато возвратила себе чистое сердце. И теперь это сердце вело её по тропинкам в поисках Эгиля.

Вот знакомая полянка, знакомый деревянный домик, знакомый уют комнаты. Илва присела на кровать и стала ждать. Спустя время дверь скрипнула, впуская хозяина. Мужчина удивленно взглянул на дочь короля.

– Не думал тебя снова встретить.

– Научи меня делать чай из вереска. На улице началась весна...

Второй тур. О любви / Эротика

Александр Паршин. Наташка

Женщина зашла в квартиру, сняла туфли и прошла на кухню. Из комнаты дочери лилась музыка, на столе лежали бутерброды, на плите горячий чай.

«Почему так не люблю пятницу? – Мысленно спросила себя и сама же ответила. – Потому что мне тридцать один и я не замужем. И ничего в моей жизни романтического давно не происходит».

И тут раздался телефонный звонок. Женщина с надеждой взяла трубку, но эта была мать.

– Наташа! – раздался в трубке её тихий голос. – Ты обои менять не передумала?

– Нет, мама, завтра с утра и начну. За день успею.

– Тогда я за внучкой заеду.

– Мама, ей уже двенадцать лет. Сама доедет.

– Вот и главное, что двенадцать... Лучше заберу.

– Как хочешь, – Наташа положила трубку.

Раньше квартира принадлежала матери, но недавно та переехала в однокомнатную на окраине города, оставив эту дочери с внучкой.

«Один иностранный психолог, фамилия у него интересная, – когда не с кем поговорить, Наташа разговаривала с собой. – Не могу вспомнить. А, Курт Чемпион! Сказал, что по наследству передаётся не только внешность, но и судьба. И у нас с мамой так. Она хоть замужем официально два года была, а я всего один год прожила в браке, и то в гражданском».

Телефон вновь зазвонил, не дав притронуться до бутербродов. На сей раз звонила лучшая подруга Полина, такая же одинокая, не имевшая даже детей. Подруга была старше Наташи на десять лет, но это не мешало их дружбе.

– Наташка! – Закричала она в трубку радостным голосом. – Я мужика нашла: рост метр восемьдесят пять, плечи, как у борца.

– А на лицо? – в голосе Наташи появилась заинтересованность.

– На лицо, конечно, далеко не красавец. В общем, лети ко мне, сама увидишь. Он через час придёт.

– Один придёт?

– Один. Он – «деревня беспросветная». Но что-нибудь придумаем. Не торчать же тебе все выходные дома.

– Жди, через час буду!

«Так, сотовый в сторону. Я ни для кого не существую, – она допила кофе и доела бутерброд. – Жрать хватит! У Полины всё равно есть придётся. Теперь мыться».

Она вышла из ванной комнаты, подошла к трюмо и критично осмотрела себя.

«Талия пропадает. На этом месте появились жировые складки. Спортсом, что ли, заняться или шейпингом? Это лишь мечты.

Ладно, хватит ныть. Блузка – самая яркая, в стиле «ретро» – деревенские такие любят. Пойду у Полины парня отбивать. Это шутка, но в каждой шутке есть доля правды. Конечно, если у подруги с ним серьёзно, я уйду, а нет – одолжит его мне на денёчек. Не впервой!»

– Дочь! – крикнула она в приоткрытую дверь. – Сейчас бабушка за тобой заедет. Поедешь с ней. Я завтра обои менять буду.

Вышедшая дочь критично оглядела Наташу:

– Мама, ты на свиданье?

– Не твоё дело.

– Просто от такого «прикида» все мужики разбегутся. Бабушка и то современнее одевается, – в голосе дочери слышались нотки превосходства. – Что-то не пойму тебя, мама. Ты старика собираешься «закадрить» или «дерёвню»?

– Второе ближе к истине.

– Я, конечно, обойдусь и без «папы», – с иронией заметила дочь. – Но если он появится, хотелось бы видеть каждый день стройного симпатичного мужчину, а не лысого старика из деревни.

– Знаешь ли, умница, папы в магазинах не продаются, а шансов повстречать красавца становится всё меньше. Так что не обессуди, если у тебя появится лысый отчим.

– Приводи ты кого хочешь, мне с ним не спать. Постарайся, чтобы у него деньги были, а то тебе и его кормить придётся.

Наташа остановилась у цветочницы, продававшей свой товар прямо с тротуара.

«Надо купить цветы. Должна же во мне быть какая-то таинственность. Очки забыла. Ни очков, ни телефона. Телефон-то специально оставила, а вот как теперь рассмотрю Полининого красавца? Возвращаться не буду».

Она присела на корточки и стала выбирать букет, не дорогой, но красивый.

– Что Анатолий Борисович? Я уже пятьдесят лет Анатолий Борисович...

Наташа подняла голову. Немолодой, хорошо одетый мужчина, громко кричал в трубку:

– ...да мне плевать, ищи, где хочешь. А где мой лоботряс? Так найди. Ты понимаешь, что я в другом городе? Раз в десять лет вырвался на родину, а вы простые вопросы решить не можете.

Он шел, никого не замечая, и налетел, на выбирающую цветы женщину, больно ударив её коленкой.

– Поосторожнее нельзя? – вскочила на ноги Наташа.

– Извините!

Наташка взглянула ему в глаза. Те вдруг расширились до невероятных размеров. Радость, изумление, восторг замелькали в них с невероятной быстротой, перемешиваясь и кружась.

– На-таш-ка!!! – воскликнул он радостным до безумия голосом, схватив удивлённую женщину за плечи.

Она близоруко сощурила глаза, проклиная себя за забытые очки. Но и без них была уверена, что никогда не видела этого мужчину, схватившего её за плечи, по крайней мере, как хорошую знакомую.

– Не узнаешь? – продолжал радостно кричать мужчина. – Ты у меня всегда слепая была.

Эта фраза заинтриговала женщину окончательно. Мелькнула мысль, что сама же хотела чего-нибудь необыкновенного. Вспомнила его слова, брошенные в трубку.

«Анатолий, Анатолий... Он какое-то ещё отчество прокричал. А зачем мне отчество? Назову по имени. Потом разберусь, что к чему».

– Анатолий? – произнесла она неуверенным голосом.

Он схватил женщину в охапку и стал радостно кружить.

– Наташка, я тебя не отпущу, – но, опомнившись, поставил на землю. – Наташа, ты не торопишься? Давай где-нибудь посидим?

И тут ей в голову пришла смелая мысль:

– Я к подруге иду. Пойдём со мной!

– А это удобно?

– Удобно. Она одинокая, как раз друга пригласила.

– Твой к тебе не вернулся? – неожиданно спросил мужчина.

Она покачала головой.

– Так одна с дочерью и живешь?

Наташка продолжала качать головой, но скорее от удивления.

– Так идём? – она так и не могла опомниться.

– Сначала купим цветы и зайдём в магазин.

Он взял самый большой букет и нежно положил Наташе на руки.

– Ты знаешь, сколько этот букет стоит? – раздался голос продавщица.

– Хватит? – спросил мужчина, сунув ей крупную купюру.

По появившейся на лице цветочницы подобострастной улыбке, стало ясно – хватит.

В магазине мужчина купил шампанское, которое Наташке всегда хотелось попробовать, но на которое никогда не хватало денег, затем дорогие развесные конфеты.

– Наташа, ты ведь эти любишь?

– Люблю, – произнесла женщина, и вновь удивлённо задумалась. – «У нас дома действительно по праздникам покупали эти конфеты. Да и сейчас их покупаю, когда деньги есть. Он откуда это знает? Хотя, от трюфелей не откажется никто».

– Полина, я не одна, – Наташа подтолкнула мужчину в дверь. – Это – мой давний друг Анатолий. Это – моя лучшая подруга Полина.

– Очень приятно! – улыбнулась хозяйка, не скрывая охватившего её любопытства.

Она чуть ли не силой затолкала Анатолия в зал.

– Знакомьтесь! Это мой друг Иван. Мужчины посидите немного без нас, послушайте музыку, – она подошла к музыкальному центру и добавила громкость. – Мы на кухне похозяйничаем.

Женщины, буквально, убежали на кухню.

– Наташка, что за давний знакомый? Почему я о нём ничего не знаю?

– Ой, Полина! – Наташа схватилась за голову. – Я сама о нём ничего не знаю.

– А говоришь, что давний?

– Представляешь, выбираю цветы, а он идёт, звонит по сотовому и чуть не наступает на меня. Я встаю с намерением отчитать его по полной программе. А у него вдруг глаза становятся вот с эту тарелку. Он радостным голосом кричит: «Наташка!» и обнимает меня.

– Так ты его совсем не знаешь?

– В том-то и дело, что совсем.

– А после того, как он узнал, что ошибся?

– Он до сих пор не знает об этом, – лицо Наташи просто светилось от радости.

– Подожди, подруга. Как ты узнала, что его зовут Анатолий?

– Он перед тем, как наступить на меня, в телефон кому-то кричал: «я пятьдесят лет как Анатолий» и какое-то там отчество называл.

– А тебя-то он откуда знает?

– Я представления не имею. Но он знает, что у меня плохое зрение, про дочь и про её отца. Знает, какие конфеты мы покупаем по праздникам. Слушай, Полина, пусть всё остаётся как есть. На меня такими влюблёнными глазами никто не смотрел.

– Я от любопытства умру, если не узнаю, в чём дело. Обещаю: напрямую спрашивать не буду.

Взяв давно приготовленные тарелки, они вернулись в комнату.

– Надеюсь, без нас не скучали?

– Выпить бы не помешало, – глупо улыбнулся Иван.

«Где она такого придурка нашла?» – подумала Наташа, разглядывая огромного нескладного мужика с глупым выражением лица.

Она повернулась к подруге и догадалась, что и та думает то же самое.

Иван, между тем, открыл бутылку коньяка и стал разливать в хрустальные бокалы.

– Наташа, – бесцеремонно начал он, – мы с твоим одноклассником сразу общий язык нашли...

– Ой, Наташа, соль забыла.

Полина схватила подругу и потащила на кухню.

– Наташка, ты с ним где-то училась!? – не то, спрашивая, не то, утверждая, воскликнула Полина, прикрыв дверь в кухню.

– Сама подумай. Какой одноклассник? Он почти на двадцать лет старше меня.

– Ведь ты и в институте два года училась, и в автошколе.

– Я на дневном отделении училась, там все ровесники. А в автошколе мы с тобой вместе учились пять лет назад и всех мужиков там сама прекрасно знаешь.

– Может, в институте к тебе какой-нибудь преподаватель «клеил».

– Не было у меня никаких преподавателей, – качая головой, промолвила Наташа. – Скажи, ты смогла бы забыть человека, который в тебя влюблён и, судя по всему, был тебе не безразличен?

– Всё, я больше не могу, – решительно произнесла Полина.

– Полина, предупреждаю, – погрозила пальцем Наташа, – если ты сморозишь какую-нибудь глупость, я тебя убью!

– Наташка, ты на него «запала»?

– Меня в последнее время мужики вниманием не балуют.

– Обещаю быть предельно осторожной и корректной!

Первый тост был за знакомство, второй «за прекрасных дам», третий – за любовь. До дна каждую стопку выпивал Иван, Анатолий и женщины делали лишь по глотку.

– Иван! – обратилась Полина к своему другу. – Ты всё помнишь о своей первой девушке?

– Помню, что звали Вaley. У неё отец был строгий, «накостылял» мне, когда увидел, что я его дочь обнимаю.

Полина перевела взгляд на Анатолия и по его взгляду догадалась, что он понял, с какой целью заведён разговор. Мужчина улыбнулся и сам предложил:

– Полина, я согласен ответить на все твои провокационные вопросы.

– Прекрасно. Её фамилия?

– Панкратова, – тяжело вздохнув, произнёс мужчина.

– Её адрес?

– Бульвар Строителей, дом семь, квартира двенадцать.

– Номер телефона.

– Три, двадцать семь, восемьдесят один.

– Вместо тройки сейчас две пятерки, а так все правильно – удивлённо произнесла Полина, но всё же продолжила допрос. – Имя дочери?

– Наташа, как и у мамы. У них в семье всех Наташками называли, даже кошку.

– Полина, там пирог сгорит, – схватила Наташка за руку подругу и потащила на кухню.

– Подруга! – воскликнула Полина, прикрыв дверь. – Я в шоке. Он о тебе всё знает, ты о нем – ничего.

– Полинка! – с нескрываемым восторгом произнесла Наташа. – Подобного со мной никогда не случилось! Представляешь, у нас действительно была кошка, и её звали Наташкой. Я об этом сама забыла, а он...

- Нет, всё равно узнаю, в чем тут дело, – перебила её подруга.
- Повторяю, если ты задашь ему ещё хоть один вопрос, я тебя убью!
- Если не задам, то умру от любопытства.
- Полина, я хочу провести с ним хотя бы этот вечер.
- А ночь?
- Поживём – увидим.
- Наташ, а что ты там про пирог-то сморозила?
- Первое, что на ум пришло.
- Ладно, идём!

– Мальчики, ещё по одной и – танцы! – воскликнула Полина и, повернув голову к Ивану, добавила. – А то вы напьётесь, что мы с вами делать будем?

– Лично меня до такой степени напоить невозможно, – ухмыльнулся её друг, наливая в рюмки очередную порцию спиртного.

Полина включила музыку, и Наташа почувствовала, как Анатолий, вздрогнув, сжал ей руку.

- Помнишь, как мы танцевали с тобой? – с грустью в голосе спросил он.
- Так приглашай. Что сидишь? – улыбнулась в ответ женщина.

Наташа положила руки ему на плечи, пытаясь вблизи рассмотреть черты его лица, но очков не было, да и Полина выключила свет, чтобы оставаться в полумраке. Пришлось отказаться от этой затеи. Выпитое вино кружило голову, рядом был влюблённый мужчина. Хотелось страстных поцелуев, но нельзя же бросаться на шею первому встречному.

«Минут пятнадцать я должна выдержать, – глядя ему в глаза, думала Наташа. – Музыка эта у Полины никогда не кончится, специально для таких случаев. Пусть пока помучается. Какие у него сильные руки! Нет, пятнадцать минут я не выдержу. Ладно, десять. А, что я „ломаюсь“? Мы с ним, наверняка, целовались. По его мнению».

Она приблизилась к его лицу на какой-то сантиметр, и этого было достаточно, чтобы их губы слились в страстном бесконечном поцелуе.

«Какой он безумный! – с восторгом подумала Наташа. – Надо поменьше слушать, о чём он говорит и почаще закрывать ему рот поцелуями. О, судя по поведению подруги, двум парам в однокомнатной квартире сейчас будет тесно. Надо с ним уходить. Интересно, мы с ним лишь целовались, или наши отношения были более глубокими? Квартира у меня сегодня пустует, затащу его – там разберусь».

- Полина! – крикнула она подруге. – Мы с Анатолием уходим.

В глазах мужчины появилась грусть, но перехватив её лукавый взгляд, загадочно улыбнулся.

- Как – уходите? – искренне удивилась подруга. – Мы ещё чай не пили.
- В другой раз, а сейчас Анатолий проводит меня до дома.

Она шла, прижавшись к крепкому мужскому плечу. Её новый друг рассказывал про армию. Как чуть не застрелился, когда она написала, что выходит замуж, как уехал из города, чтобы не мешать её счастью.

Ей были неприятны воспоминания его молодости. Там была другая, которую он любил и любит до сих пор.

«Интересно, что всё это значит? Допустим, я похожа на его девушку. Нет, он влюблен именно в меня. Происходящее не может быть простым совпадением. Ладно, допустим, я

хочу лишь одного, завлечь его в свою квартиру, поэтому и играю эту роль. Но ведь он умный человек и не может не заметить множества явных противоречий, например, разницу в возрасте.

Такое ощущение, что разгадка очень проста. Как в картах: чем удивительнее фокус, тем проще разгадка. А я боюсь напрячь голову, что бы догадаться. Уверена, эта разгадка была рядом, когда он говорил про кошку, покупал конфеты, и сейчас она рядом. Достаточно спросить, в каком году он служил в армии.

Удивительно, совершенно не смотрю на дорогу. Он тоже идёт чисто автоматически, но именно к моему дому».

– Наташа, давай посидим на этой лавочке, как раньше.

– Давай!

«Я много раз сидела на этой лавочке и со многими парнями. Так, с кем я здесь сидела? В которых была влюблена – четверо, добавим одноклассников, влюбленных в меня, еще человек пять. Среди них его не было. Да, и не могло быть».

– А этот павильон твои окна загораживает, – произнёс Анатолий, глядя на задумчивое лицо Наташи.

– Поцелуй меня! – решительно произнесла она. – И не давай мне больше думать ни минуты.

Приказ был тотчас исполнен. Прошло четверть часа. Они были взрослыми людьми, и обоим хотелось от этой ночи гораздо большего.

– Пошли ко мне!

Она взяла мужчину за руку и потащила за собой, стараясь ни оглядываться и ни о чём не думать. Но грустные мысли сами лезли в голову:

«Словно веду его к заветной двери, за которой находится страна счастья, а предчувствие такое, словно там разгадка всего происшедшего со мной сегодня. А я свет не буду включать, слова не произнесу. Не хочу никому отдавать этот волшебный вечер. Пусть он плавно перейдёт в такую же волшебную ночь. Тайна все равно откроется, но только не сейчас».

Женщина открыла дверь, и они зашли в прихожую. Из комнаты дочери лилась тихая музыка, а из зала вышла мать.

– Всё! – тяжело вздохнув, произнесла Наташа. – Мама...

Она повернулась к Анатолию, чтобы представить его матери. Но что это: губы её спутника задрожали, а глаза стали еще больше, чем при их неожиданной встрече.

– Наташка? – всё же сумел выдать он.

То, что произошло далее, она даже не могла представить. Её пожилая мать бросилась на шею её другу:

– Толик, родной, я знала, что когда-нибудь откроется эта дверь, и ты вновь войдёшь в неё!

А он, прижав её к груди, не мог поверить, что природа смогла с такой точностью передать все черты внешности и характера от матери к дочери. Он тридцать лет представлял эту встречу. Но в его мыслях она старела гораздо медленней, чем в жизни. И была похожа на ту Наташку, которую встретил несколькими часами ранее.

– Бабушка, что там случилось, – спросила, вышедшая из спальни внучка.

И глаза Анатолия в третий раз расширились. Перед ним стояла Наташка, точно такая, которую он встретил тридцать восемь лет назад в своем далёком пятом классе.

Виктор Ягольник. Любовь рыбака

Ну, как я не хотел в этот раз ехать на рыбалку. Позвонил Сергей – я отказался, а потом позвонил Иваныч. Я сказал ему, что настроение не то и, в общем, «не знаю, наверное, не поеду».

- Слушай, – говорит Иваныч, – звенит звонок.
- У кого звенит? – спросил я.
- Да какая разница, слушай и всё. Алло, позовите Германа Макаровича.
- Его нет, он в больнице, в реанимации.
- А к нему пускают?
- Да пускают. Только близких родственников.
- А он хоть говорит?
- Да, говорит.
- Так спросите у него, поедет он завтра на рыбалку или нет!
- Ладно, ты меня убедил! Поеду я завтра! – сказал я со смехом и отключился.

У нас давно сформировалась команда из тех, кому за 60, и мы старались, по возможности, встречаться. А зимняя рыбалка – это как раз такой случай. И вот сижу я над лункой уже почти 4 часа, а у меня только один карась и два подлещика. Мелочёвка в зачет не входит. Где-то уже после десяти я собрал свои снасти и пошел к берегу. Когда проходил мимо лунки Иваныча, тот спросил:

- Ну, как? – я показал три пальца.
- А у тебя? – спросил я его. Он показал все пять.
- Петрович, так ты всё? Сдался? Какой позор! И это при таком-то клёве! – я улыбнулся, согласно кивнул головой и развел руками.
- А я еще посижу немного, – проговорил Иваныч. – Может, от того, что ты рядом сидел, у меня так слабо и клевало, – поддел он меня.
- Слышь, Иваныч! Ты бы шапку лучше снял.
- Так холодно еще, уши можно отморозить.
- Смотри! Я предупредил! А то был случай. Разлили по стаканам, позвали всех. Кто был в шапке, не услышал, ну, и, как говорят, по усам текло, а в рот не попало.

Ха-ха-ха! Во-первых, я за рулем и мне этот клич по барабану, а во-вторых, слабо это, – ответил Иваныч.

- Да я ж тебя по-дружески предупредил! – сказал я и пошёл к домику.

Я зашёл в домик и сбросил с себя всю рыбацкую амуницию. Потом на свитер надел куртку на меху, а на ноги зимние ботинки. Я решил, что долго засиживаться не буду, так как приехал без напарника и пить мне никак нельзя. Дело в том, что наша команда приезжает сюда по 2—3 человека в машине, и поэтому по очереди кто-то не пьет коньяк. «Ладно, перекушу и поеду», – решил я и вышел на крыльцо посмотреть кто, что и где.

Домик, или как его еще называют «Дом рыбака», стоял на взгорке. Отсюда хорошо просматривалось Тихое озеро и его берега. На льду чернели сидящие над лунками фигурки рыбаков, а кто-то уже потихоньку шел к берегу. Сквозь серые тучки периодически выглядывало солнце, и тогда более отчетливо просматривалась береговая черная линия талой воды. Да и не удивительно, март приблизился к середине и поэтому, если в тени еще было минус 2—4 градуса, то на солнце был уверенный плюс. Снег начал таять, да и лёд уже был не тот.

Я спустился к берегу. Местами талая вода оттеснила лед до двух метров от берега, а кое-где сходила на нет. Вот в одном таком месте я, перешагнув на лёд, пошел навстречу идущему рыбаку. Это был Федор Николаевич, или просто Федя.

– Ну, что, Петрович, отклевался? – спросил он меня.

– Да я вижу, ты тоже откинулся от лунки.

– Так нет клёва, нет и улова, а ты куда собрался? – спросил Федя.

– Хочу пройтись, подышать, посмотреть. Красота-то, какая! – воскликнул я.

– Ты только не долго ходи, остальные тоже закругляются. Смотри не опоздай!

– Так, а что мне спешить, я ведь сегодня один за рулем. Ладно, ладно, успею – сказал я и пошел в сторону противоположного берега. Я не дошел метров 30 и стал идти вдоль до него. Дышалось легко, яркая белизна слепила глаза, и я пожалел, что не взял очки. Да, лёд уже был другой, он местами изменил цвет и плотность и иногда даже прогибался под ногами. Я остановился и стал осматриваться. И тут мне на глаза попали вербы на том берегу и остатки торчащего камыша из снега. Так это же моё любимое место! Там по чистой воде я всегда рыбачу. Эх! Сколько я там рыбы половил!

И я пошёл к своему месту. Метров за 30 до берега я почувствовал, как подо мной слегка играет лёд. Я посмотрел на берег. Как это все красиво колыхалось и шумело зелёной листвой летом, и как это сиротливо выглядело сейчас на белом фоне берега. Ладно, хватит лирики, надо смотреть под ноги, чтобы не провалиться. Неширокими лыжными шажками я стал приближаться к берегу. «И чего я сюда пошёл?» – вдруг промелькнула мысль.

Вдоль берега темнела почти метровая ширина талой воды. Берег был уже близко, и я ускорил шаг, как вдруг под левой ногой лёд треснул, и выступила вода. Я по инерции резко шагнул на лёд правой ногой, и она полностью провалилась. Попытался ее вытащить, и тогда провалилась левая нога, а потом лёд раскололся на несколько кусков, и я стал погружаться в холодную воду. Это произошло быстро. На каком-то автомате я, разбросав руки по сторонам, задержался и не занырнул под лёд. Вот, блин! Только что шел по льду, а теперь мои руки и грудь лежат на льду, а все остальное мокнет в воде. Я попытался опереться ладонями и рывком вытащить себя из воды, но лёд обломился, и я только успел руками схватиться за новую кромку льда. Тогда я стал кричать и звать на помощь. Ведь должны же меня наши услышать! Но никто не отозвался. Очевидно, все уже сидели в тепле и разливали по стаканам. Еще несколько раз крикнув, я снова попытался залезть на лёд боком, а потом спиной. Мне удалось продвинуться, но, когда, казалось, что уже ползу по льду, как он предательски треснул и я снова подтягивал себя руками к кромке, чтобы не окунуться в полынье с головой. Я этого боялся больше всего: боялся, что не вынырну из этой холодной воды. А холод начинал втекать в живот, в грудь, начали замерзать ноги и руки. И меня уже не согревала моя бешеная работа руками и ногами. Мне стала мешать мокрая куртка: мех намок, намокли рукава и они сдерживали мои движения. Я попытался снять куртку и мне это удалось. Тогда я ее бросил перед собой и попробовал по ней залезть на лёд. Перемещая руки в мокрых перчатках по куртке, я начал заползать на лёд и уже залез правым коленом, как вдруг всё это подо мной опять раскололось и расплылось, и я снова оказался в воде. Перебирая ногами и руками в этой каше из битого льда, мне удалось удержаться на плаву и уцепиться за край полыньи, а затем опереться на лёд локтями. Я как бы завис на краю льда. Это дало мне возможность передохнуть, и сбить дыхание. От холода у меня тряслась нижняя челюсть. Холод сковывал движения рук и ног. Я очень устал. Я не знал, что будет дальше. Правда мелькнула мысль, что чем дальше от берега, то лёд крепче. Тогда я стал ломать и крошить лёд. Я продвинулся вперед больше чем на метр. Но новая попытка залезть на лёд закончилась тем, что всё треснуло подо мной, и я снова очутился в воде. Повернувшись спиной к краю полыньи, я руками оперся о лёд, откинулся головой назад и завис. Я страшно устал. Слабость и безразличие нахлынуло на меня. Я закрыл глаза и потихоньку начал замерзать...

По кладбищу медленно идет похоронная процессия. Откуда-то доносится музыка похоронного оркестра. Впереди 8 человек несут гроб, за ними идут люди с венками, а затем

безмолвная толпа из родственников, друзей и знакомых покойного. Вот гроб поставили у выкопанной могилы и к гробу стали подходить поодиночке люди, чтобы попрощаться в последний раз с близким им человеком. Я попытался подойти ближе, чтобы увидеть покойного, но мне это не удалось: я только приблизился на несколько метров ближе сквозь плотную толпу присутствующих.

– Кого хоронят? – спросил я у стоящих рядом людей.

– Как кого? Петровича!

– Какого Петровича?

– Какого, какого? – ответили мне с раздражением, – Рыбака. Ты что не видишь?

Я присмотрелся и увидел, что то, что казалось мне серебряным покрывалом, оказалось красиво уложенными рядами из подлещиков и плотвы. «Действительно, рыбаки», – подумал я.

В это время к покойному прорвалась какая-то блондинка в черном, и с криками «Коля! Коля!» заливаясь слезами, с причитаниями упала на его грудь. Я продвинулся еще ближе и стал присматриваться к покойнику. Уж больно знакомым показалось мне его лицо. А женщина все кричала «Коля! Коля!». Чего это она? Так я тоже Коля! И тут я вдруг узнал в покойнике себя.

– Так что же это меня тут хоронят? – закричал я. В это время женщина повернула заплаканное лицо в мою сторону.

– Валя! Валя! – закричал я. – Пустите меня! Это моя жена! – продолжал я кричать и проталкиваться сквозь толпу.

– Валя! Тебе же нельзя рыдать, тебе нельзя кричать! У тебя же больное сердце! Да и давление к тому же высокое, – кричал я, приближаясь к гробу. Я был уже так близко к нему, что видел, как рыбы там шевелили хвостами. Но что странно, на меня никто не обращал внимания, а Валя продолжала плакать и причитать.

– Да что же это такое! Ведь она так сердце надорвет или сляжет на две-три недели под капельницы, – прокричал я и рванулся к Вале...

От этого рывка я упал в воду, окунулся с головой, выскочил наверх и поплыл к берегу. Я молотил руками по воде, разбивая по ходу одиночные льдины, а когда пошел цельный лёд, я его разбивал кулаками, благо он был здесь уже тонкий. Когда я ногами почувствовал дно, то побежал, разбрызгивая воду руками, и уже на берегу споткнулся и упал. Мое сердце бешено колотилось в груди, и я часто дышал. Только я отдышался и успокоился, как почувствовал холод. Моя мокрая одежда плотно облегла руки, ноги и всё тело. Она сжала меня мокрым холодным компрессом и я уже ничего не чувствовал, кроме леденящего холода. Прямо на глазах одежда стала деревенеть, и я понял, что если не поднимусь сейчас, то она превратится в ледяной короб. С криками «Валя!» я стал на четвереньки, а затем выпрямился и побежал в сторону рыбацкого домика. Откуда-то подул ветерок, и я пожалел о своей потерянной шапке. И еще я пожалел об утонувших перчатках. Разбитые в кровь пальцы об лёд быстро замерзали и болели. «Раз болят, значит, еще не отморозил», – подумал я о них. И тут я поскользнулся и упал. «Ну, совсем нет сил, полежу немного. Ну, не могу я идти. Всё», – мелькнула мысль.

– А Валя? А если я замерзну? Как она потом без меня? – прокричал я и стал подниматься. Шатаясь и спотыкаясь, я, постепенно леденея, шел в сторону рыбацкого домика. Одежда шуршала, но еще сгибалась. Я понимал, что если перестану двигаться, то она заледенеет, и я уже никуда не дойду.

– .Валюша, я иду, не кричи, не кричи, я иду, я иду, я иду, – шептал я и вглядывался сквозь кусты, выбирая направление к дому.

Я снова упал, зацепившись за лежащую ветку на снегу, и ударился правым плечом. Лежу. В голове шум. В глазах плавают цветные круги.

– Но где я? Почему лежу на снегу? А Валя? Где Валя? Ведь она ждет меня, вот, блин! Ну, вставай, вставай, – приказывал я себе, затем стал на четвереньки и пополз на ближайший бугор. Руки уже не слушались меня, да и ноги тоже идти не хотели. Мне было холодно. Холод уже проник во все клеточки моего тела и сейчас вымораживал мозги. Но что-то еще там живое осталось, так как я понимал, что надо двигаться, надо идти.

– Валя, Валя, Валя, – шептал я, поднимаясь. – Валя, Валя, – проговаривал я, шатаюсь и спотыкаясь на каждом шагу. Я старался, чтобы не упасть. Если я падал, то снова вставал и шел, спотыкаясь. Вот уже и домик, и крыльцо. Тут я споткнулся обо что-то, упал и отключился.

А в домике уже было расставлено всё съестное и питейное. Ждали только Петровича.

– Ну, сколько его можно ждать, – проговаривали самые нетерпеливые, поглядывая на стол.

– Да, загулял наш Петрович.

– Ладно, пойду, выгляну, да и собак утихомирю. Что-то разлаились они, еще цепи порвут, – сказал хозяин домика Егорыч. Он накинул полушубок и вышел. Через минуту он с широко раскрытыми глазами заскочил обратно.

– Ребята, Петрович на снегу лежит! Беда! – крикнул он и выскочил. За ним повыскакивали все, как были, не одеваясь.

Там с закрытыми глазами, весь заиндеветший лежал на снегу Петрович. Его пальцы, разбитые в кровь, слегка шевелились и скользили по обледенелому крыльцу.

– Ребята, он еще дышит, быстро в дом, – командовал Егорыч. В доме Петровича положили на лавку и осторожно сняли всю одежду. Егорыч командовал, чтобы на диван положили одеяла и подушки.

– Так, хлопцы, – сказал Егорыч, – прогавили мы Петровича, и будет нам такая расплата. Всю водку несите сюда. Теперь каждый, берет кто руку, кто ногу, а я с Сергеем спину и грудь, и затем без капли сожаления растираем этой живой водой всего Петровича. Начали. А ты Иванович, звони в скорую. Если будут говорить, что далеко, скажи, что заплатим по тройному тарифу.

Вскоре кожа порозовела, Петрович стал постанывать и ругаться. Мы его одели и влили в него грамм 50 коньяка. Он закашлялся, его напоили теплым сладким чаем, а затем уложили на диван и закутали всем, что было в доме.

– А он отключился или как? – спросил Егорыча Сергей.

– Да спит он, – ответил Егорыч и все облегченно вздохнули. Сели за стол, поковырялись, слегка перекусили. Не шло. Все сидят, молча, глаза отводят в сторону, как будто виноватые в чем-то.

– А я помню случай, – начал Иванович. Все настороженно повернулись к нему.

– Сижу я как-то с удочкой на берегу. Час сижу, другой – никакого клева. Вдруг смотрю, крокодил плывет.

– Что, мужик, не клюет? – спросил он меня.

– Не клюет! – говорю.

– Так может, искупаешься, – предложил крокодил. И тут все как грохнут, хватаясь за животы.

– Да вы что, мужики, Петровича разбудите, – шикнул на всех Егорыч. Обстановка сразу разрядилась, успокоилась, но что-то еще мешало нормальному общению.

– Егорыч, а ты требуй теперь, чтобы бабу привозили на рыбалку. Ну, хоть одну, – сказал, хитро улыбаясь, Сергей.

– Это еще зачем? – завозмущались мужики.

– Я вот слыхал, что у северных народов есть обычай такой. Если кто замерзнет, то к нему бабу подкладывают. У них от отморожения это самое первое средство.

– Как? В одежде или голую?

– Ну, и вопросы у тебя! Конечно, голую.

– Это другое дело. Ради этого и замерзнуть слегка можно, – оживились мужики.

– А ведь действительно, дельное предложение, – воскликнул молчавший всё это время Николаевич. – Это ж сколько водки и коньяка можно сэкономить в таком случае, – и все дружно засмеялись.

Через час приехала скорая.

– Ну, где тут ваш пловец или рыбак, или еще как? – спросил врач. Он осмотрел Петровича, похвалил нас за правильно оказанную помощь и сделал укол. Петрович уже смотрел на нас, но не понимал, что и к чему. Он пытался что-то спросить, но врач сказал, что всё он узнает позже, а сейчас спать, спать, спать. Вскоре он заснул. Принесли носилки и примотали к ним Петровича, так как было скользко, и нести надо к машине вверх на бугор метров 300.

Через четыре дня Петрович был как огурчик. И что интересно, даже не заболел воспалением. А многие почему-то предполагали, что должен был, раз случай такой. И уже, когда снова собрались за столом, первый тост был посвящен хозяйке.

– Если бы не Валя, я бы не выплыл, – сказал Петрович.

– Вот что значит, любовь! – проговорил, хитро щурясь Егорыч.

– Горько! Горько! – закричали все дружно. И пришлось им целоваться!

Илона. Котик

Длинная похоронная процессия неспешно двигалась по извилистым дорожкам старого кладбища. В самом её начале слышны плач, стенания, жалостливые вздохи. А в последних рядах мемориального шествия идёт, хоть и на сниженных тонах, полушёпотом, но весьма оживлённое обсуждение:

- Жены покойного нигде не вижу, что с ней?...
- Так она же в СИЗО, судить её будут...
- Да нет же, в психушке она, на котах помешалась. Как её задержали после убийства, так сразу туда и отправили, буйная она была, не в себе, всё бормотала про какого-то котика...
- Страсти какие! Обычным кухонным ножом по горлу...
- Как представлю – мурашки по коже, а такая была идеальная пара...
- Ага, красивые, богатые и чего людям не жилось?...
- А начиналось у них, говорят, так романтично...

Тёплый июньский день незаметно превращался в вечер. Лика прихлёбывала ароматный кофе, сквозь огромное витражное окно задумчиво смотрела вниз на спешащих мимо прохожих и украдкой разглядывала себя в отражении. Она была хороша и знала об этом: зелёные глазища с невероятными ресницами, каштановые локоны, уложенные с нарочитой небрежностью, точёная фигурка, аристократические манеры. Лика смотрела и не находила в себе изъянов: она прекрасна. Жизнь прекрасна. Это был её любимый столик, в её любимом кафе, в самом центре столицы. Кафе располагалось на верхнем этаже старинного особнячка. Сюда почти не заходили туристы, предпочитая забегаловки подешевле и пониже. В соседнем здании располагается офис Игоря, её жениха, и Лика почти каждый вечер приходит сюда, чтобы дождаться любимого с работы и вместе поехать куда-нибудь развлечься и отдохнуть после трудового дня. У Игоря был шикарный служебный автомобиль, выделенный ему холдингом для личных целей, и Лике нравилось подъезжать на этом чёрном красавце к какому-нибудь клубу, вызывая зависть у его завсегдатаев.

Сама Лика работала в... Игорь считал, что она нигде не работала: карьеру фотомодели он серьёзно не воспринимал. Но девушка свою профессию ценила, так как она приносила, хоть и небольшой, но стабильный доход и позволяла ей заниматься любимым делом: всё своё свободное время Лика рисовала. Надо сказать, у неё неплохо получалось. Именно потому, что Лика бросалась к мольберту при первой возможности, они с Игорем жили отдельно друг от друга. Так Лике было удобнее: краски всегда под рукой. Всё равно у Игоря, в его холостяцкой квартире-студии, возможности обустроить кабинет для неё не было. Девушка мечтательно вздохнула: ей представилось, что когда они, наконец-то, сыграют свадьбу, то смогут переехать из своих двух маленьких квартир в одну большую – уютную и удобную. Тогда у нее будет и любимый человек рядом, и сохранится возможность творить, когда захочется. Свадьбу Лике хотелось очень сильно. Даже сильнее, чем рисовать.

Телефонный звонок резко оборвал поток приятных мыслей: звонил жених. Сердечко девушки затрепыхало радостной птичкой, но услышав первую фразу, «птичка» упорхнула вдаль вместе с хорошим настроением. Оказалось, Игоря отправили в срочную командировку и он уже едет в аэропорт. Лика попрощалась с любимым, пожелав ему удачной поездки, но как только положила телефон на столик, улыбка сползла с её лица, соскользнув в чашку недопитого кофе. Вечер оказался безнадежно испорчен. Её жених даже не вспомнил, что сегодня ровно год, как они помолвлены. Лика втайне надеялась, что он, наконец, заговорит о свадьбе, а вместо этого – глупая командировка. Кофе пить категорически расхоте-

лось. Девушка подозвала официанта и заказала коктейль, чтобы хоть немного поднять себе настроение. Ей нравился сладкий мартини, смешанный с апельсиновым соком: этот напиток ассоциировался у нее с чем-то праздничным, веселым, ярким и в периоды мрачного настроения действовал на неё исцеляюще.

Не успела она сделать и пару глотков этого волшебного эликсира, как вдруг в кафе вошла шумная компания: трое молодых людей заняли столик в центре зала и громко смеялись, заказывая себе практически весь ассортимент алкогольной карты. Этих ребят Лика раньше в кафе не видала: наверное, туристы. Один из парней нахально подмигнул Лике, заметив, что она на него смотрит. Девушка презрительно хмыкнула, отвернулась и тут с изумлением увидела, что за соседним столиком сидит начальник Игоря – генеральный директор холдинга Ярослав Александрович Кононов собственной персоной. Он приветливо улыбнулся ей, Лика кивнула головой и, смутившись, повернулась к окну.

Она была знакома с Ярославом: встречались на корпоративных вечеринках, пару раз он даже приглашал ее на танец. Это был очень симпатичный мужчина, но она никогда не думала о нем, как о возможном ухажёре: блондины её не привлекали. Они казались ей слишком невыразительными. Лике нравилась суровая мужская красота – темные волосы, глаза коньячного цвета, двухдневная щетина, сильные волосатые руки, как у ее Игоря. Такие мужчины напоминали ей хищного, дикого зверя: льва или тигра. А Ярослав был полной противоположностью: светлые волосы, длинные руки, тонкие «музыкальные» пальцы, капризный рот. В нём всё было как-то слишком: слишком дорогая одежда, слишком красивое, для мужчины, лицо, слишком высокий рост, слишком обаятельная улыбка, слишком пристальный взгляд холодных синих глаз. Не хищник, нет, скорее – кот, а Лика не любила котов. Хотя, если подумать, тигры и львы тоже из семейства кошачьих. Ярослав за столиком был не один: он разговаривал с коренастым мужчиной и, судя по прохладному тону разговора, речь шла о работе.

Лике расхотелось задерживаться в этом кафе: ей стало неуютно под пронзительным взглядом Ярослава, который она то и дело ловила на себе. Девушка залпом допила мартини, взяла в руки сумочку, собираясь рассчитаться и уйти домой. Но тут за её столик подсел парень, тот самый, нахально подмигивающий. Он вальяжно развалился на стуле, выставив в проход между столиками ногу в жёлтом ботинке: «Привет, красотка, скучаешь? Пошли к нам, мы тебя развлечём». Парень положил свою огромную ладонь на руку Лики и плотоядно ухмыльнулся. Лике передёрнуло от отвращения. Она возмущённо выдернула пальцы из-под его потной длани и махнула официанту, чтобы тот быстрее принёс счет. «Что отворачиваешься? Я же видел, как ты на меня пялилась,» – парень угрожающе привстал со стула и наклонился к Лике поближе. Девушка выскочила из-за стола. «Бог с ним, со счетом, оплати в следующий раз», – подумала она, но уйти ей не дали. Приставучий парень по-хозяйски обнял её за талию и притянул к себе. Лика стала вырываться: «Отпусти меня сейчас же! Убери руки!». Но парень и не думал её отпускать, он еще крепче обхватил девушку, второй рукой проворно ощупывая её ягодицы, обтянутые узкими белыми брючками. Лика запаниковала и уже приготовилась кричать и звать на помощь. Но только она набрала в грудь побольше воздуха, как хватка ослабла: Ярослав Кононов схватил парня за воротник рубашки и отшвырнул прямо на стол, за которым сидели, довольные зрелищем, друзья наглеца. Стол не выдержал нагрузки в виде падающего на него тела, ножки подломились и парень с грохотом свалился на пол, увлекая за собой бокалы и тарелки. Ярослав, воспользовавшись сумятицей, швырнул на столик, за которым сидела девушка, пару крупных купюр, схватил Лике за руку, они быстро вышли из кафе и почти бегом преодолели все ступеньки лестницы, ведущей вниз, на улицу. Лика не успела еще прийти в себя, как поняла, что сидит на заднем сидении большого белоснежного автомобиля, а Ярослав участливо спрашивает, всё ли с ней

в порядке. И тут напряжение отпустило Лику и она засмеялась: ей вспомнилось вдруг, как неуклюже её обидчик кувыркался на полу, запутываясь в скатерти и пытаясь подняться.

Кононов подозрительно посмотрел на хохотушку, затем достал откуда-то бутылку холодного шампанского, два бокала и предложил отметить спасение «принцессы из лап дракона». Лика, не долго думая, согласилась: капелька алкоголя совсем бы не помешала, тем более, что «Мартини» выветрился из её организма на фоне только что пережитого стресса. Ярослав что-то сказал водителю и автомобиль плавно тронулся с места. Спаситель пояснил: «Мы сейчас поедem в другой ресторан и я накормлю Вас ужином. Я чувствую свою вину перед Вами, Лика». «Вину? – удивленно приподняла бровь девушка, – Но за что? Ведь Вы только что меня спасли. Это, скорее, я должна чувствовать себя виноватой: у Вас была встреча, а из-за меня Вы бросили своего собеседника». «Это был мой бухгалтер, ничего, переживёт, поговорю с ним в другой раз. А виноват я в том, что Вы сегодня были в кафе одна: ведь это я отправил Игоря в командировку. Я знал, что он не придёт, поэтому и бросился к Вам на помощь», – на лице Ярослава искрилась и переливалась обворожительно-коварная улыбка «Чеширского кота». Лика, подумала: всё равно вечер испорчен, Игорь уехал, поэтому не будет ничего плохого, если она согласится на предложение Ярослава, тем более, что он проявил себя так героически. Ну, просто принц на белом коне. Как-то неудобно отказывать принцу.

Ужин в ресторане был приятным во всех отношениях: хорошее вино, вкусные блюда от шеф-повара, который лично вышел поприветствовать Ярослава и его спутницу, услужливые официанты. Начальник Игоря оказался интересным собеседником и Лика поймала себя на мысли, что он ей всё больше и больше нравится: успешный, умный, галантный мужчина. А как гармонично смотрится сигарета в изящных длинных пальцах. Его мягкая, вкрадчивая, доверительная манера речи вызвала в Лике какие-то неотчетливые, приятные детские воспоминания. Кот, определённо, кот – белый и пушистый.

После ужина были танцы. От запаха сигаретного дыма, смешанного с ароматом дорогого парфюма, у Лики закружилась голова. Возможно, в этом было виновато вино, а, может, – мартини и шампанское, это уже не важно: целовался он просто восхитительно. В её голове кружился туман неясных образов и желаний. Девушка сама не заметила, как они оказались у Ярослава дома, как он расстегнул на ней блузку, стянул с нее брюки. Она чувствовала только прикосновения его теплых губ и нежных рук. А потом была ночь. Наверное, самая страстная, жаркая и чувственная в её жизни. Лика то умирала, то возрождалась опять...

Проснувшись, Лика увидела записку на соседней подушке, в которой Ярослав извинился за необходимость уехать на работу и сообщил ей, что водитель отвезёт её домой, как только она пожелает. Девушка сразу этого пожелала, быстренько оделась и вскоре та же шикарная белая машина доставила её прямохонько до дверей родного подъезда. Лика зашла домой в полном смятении. Она не понимала, что с ней происходит. И самое главное, не знала, что с этим делать дальше. Остаток дня она провела у мольберта, пытаясь на холсте выместить все чувства, которые в ней бурлили. Её переполняла ярость на Игоря за то, что он оставил её вчера одну, приятная истома от воспоминаний о волшебном вечере, проведённом с Ярославом, горечь от нечаянной измены, отчаянье и ощущение бессилия что-то изменить: она поняла, что влюбилась в начальника своего жениха и, размазывая краску по холсту, пыталась забыть вчерашнее приключение. Но забыть не получалось: ни магнетически притягательный взгляд блондина, ни бархатную сладость его поцелуев...

Вечером Ярослав заехал за ней и всё повторилось, только ресторан был другой, вина в этот раз было выпито меньше и в квартиру, уже знакомую девушке, они приехали гораздо раньше. Там Ярослав обнял Лику и так крепко прижал к себе, что она ощутила его горячее дыхание. Его прикосновения становились все менее нежными, все более чувственными и напористыми. Волна удовольствия пробежала по её телу, оголяя нервы, обостряя чувстви-

тельность каждой клеточки кожи. От страстного поцелуя сердце на миг остановило свой бег, затем заработало с утроенной энергией, пытаясь прокачать бурлящую кровь по судорожно пульсирующим венам. А чуть позже опьяненное ласками сознание и вовсе оставило Лику до самого утра...

В любовном угаре прошла неделя. А затем из командировки вернулся Игорь. Весь день Лика трусливо не отвечала на его звонки, вечером она, как обычно, ждала, когда за ней заедет её «котик» Ярик и, услышав звонок в дверь, не раздумывая её открыла. На пороге стоял жених. Злой, напряженный он буравил Лику колючим взглядом своих тёмных глаз. «Что происходит? Почему ты не берёшь трубку?» Лика почувствовала, что внутри разрастается паника, чёрным, вязким туманом окутывая сознание. И тут распахнулись двери лифта и на площадку вышел Ярослав с огромным букетом алых роз. Что последовало далее, Лика плохо запомнила: после того, как Игорь наотмашь ударил её по лицу, она упала и лежала, закрыв лицо руками и захлёбываясь рыданиями. До её сознания доносились лишь обрывки разговора, звуки борьбы, затем хлопнула входная дверь и всё стихло. Она подняла заплаканные глаза и увидела перед собой своего героя, своего принца – Ярослава, в разорванной рубашке, со сбившимся на бок галстуком. Он поднял ее, обнял и сказал: «Ты только моя и я никогда никому тебя больше не отдам»...

Напевая какой-то веселый мотивчик, Лика кружилась по огромной квартире, танцуя, временами останавливаясь, чтобы в очередной раз полюбоваться обручальным кольцом. Она была счастлива. Ей было хорошо и спокойно: вот уже два месяца, как она замужем за любимым человеком и сегодня узнала, что внутри нее зародилась новая жизнь – плод их любви. Хоть бы он был таким же светловолосым и синеглазым, как её Ярик! Девушка присела на пуфик возле зеркала, поправила растрепавшиеся волосы, улыбаясь своему счастливому отражению. Ей вдруг вспомнилась свадьба, медовый месяц в Европе. Перед свадьбой она очень волновалась, но Ярослав организовал всё безупречно, единственное, что смущало – жених перед церемонией попросил её подписать брачный договор. Якобы для того, чтобы бывшие жены не претендовали на имущество Лики. Да какое у неё имущество? Маленькая квартирка, да старенькая иномарка? Девушка, не читая, подписала. Какие тут могут быть сомнения? Раз её принц, её ненаглядный Ярик сказал, значит так надо.

Как только муж пришел с работы, Лика бросилась к нему с объятьями и, дрожащим от волнения голосом, радостно сообщила о ребёнке. Но реакция будущего отца, мягко говоря, её удивила. Он холодно отстранил от себя супругу: «Какой ребёнок? Ты с ума сошла? Ведь так всё хорошо было, что тебя не устраивает?» Ярослав не кричал на Лику, он выглядел абсолютно спокойным и невозмутимым, только взгляд его синих глаз стал колючим и каким-то чужим, незнакомым. «Завтра же сделаешь аборт или я подаю на развод и катись на все четыре стороны!». «Котик» спокойно развернулся, вышел из квартиры и аккуратно прикрыл за собой дверь. Как только щелкнул замок, с Лики спало оцепенение, она схватилась руками за дверной косяк и завывала. Её идеальный мир разрушился в одну секунду. Она оглядела квартиру, еще несколько минут назад казавшуюся ей родным домом, и поняла, что абсолютно не знает человека, за которого вышла замуж. Ей стало страшно. Лика вдруг стала вспоминать все странности в поведении мужа, на которые она раньше старалась не обращать внимания. «Нет, не может быть. Просто Ярик устал на работе, у него был тяжелый день. Сейчас он вернется, извинится и всё будет хорошо. А если не будет? Развод? Какой развод? А как же наша любовь?... Брачный договор! Какая же я дура! Почему подписала не глядя? Надо срочно найти его и прочитать. От этого сейчас зависит будущее ребёнка». Лика вытерла слёзы и решительно пошла в кабинет мужа. Сдерживая рыдания, она стала открывать ящики стола один за другим, выбрасывая на пол всё, что там было, пытаясь найти среди бумаг и разных предметов нужный документ. На глаза ей попался диктофон. Странно,

она никогда не видела, чтобы Ярослав им пользовался. Лика отшвырнула диктофон на пол и, наверное, случайно нажала на кнопку...

«...Ярослав Александрович, я прошу Вас, дайте мне еще один шанс. Я не подведу».

«Ты говоришь мне это уже в который раз. Моё терпение лопнуло. Ты уволен. Машину оставь на парковке».

«Я прошу Вас, Ярослав Александрович! Я готов сделать всё, что угодно, только оставьте меня в холдинге, я докажу, что способен на большее».

«Если бы ты знал, Игорь, как часто я это слышу. Всё, что угодно, говоришь? Хорошо, отдай мне Лику».

«В каком смысле?»

«Что не понятно? Я хочу, чтобы она была моей. Уйди с дороги, а я дам тебе еще один шанс. Когда она мне надоест, сможешь получить её обратно».

(короткая пауза)

«Хорошо, я согласен. Но Лика стоит дороже, чем просто моё возвращение к должности. Мне нужно повышение. Я хочу возглавлять филиал в Питере и контракт на десять лет».

«...Поедешь не в Питер, а в Челябинск. Контракт на пять лет с возможностью пролонгации».

«Тогда оставьте мне машину. Поверьте, Лика этого стоит».

«Ну что ж, я рад, что мы договорились. Но ты должен рассказать мне всё: её привычки, слабости, что её заводит. Да, и подыграй мне: сцена ревности и всё такое. Я хочу, чтобы она влюбилась в меня как кошка, без памяти, но сама, по своей воле. Если всё получится – должность твоя».

«Есть одна идея, её точно это заведёт! Я её знаю – ляжет под Вас, не сомневайтесь. Сейчас изложу, будете для неё принцем на белом коне. Только Вам понадобятся помощники, но, думаю, это не проблема».

«А ты не думай, ты говори! Думать я сам буду».

«Короче, каждый вечер она приходит в одно кафе...»

Татьяна Сунцова. Михрютка, или Белые гвоздики

Михрютка... Где-то раньше я слышала это слово. Кажется, в одном из популярных сериалов следователь так кого-то называла. А коллега моей подруги Светки так называла мужа. Когда впервые услышала от полнотелой кареглазой крашенной шатенки Аллы слово «михрютка», сразу представился маленький толстенький, плешивенький, небрежно одетый человечек со щетиной двухдневной давности. И подумалось: «Раз у Аллы такой муж, значит, дома у неё – чёрт ногу сломит! А строит из себя леди! Не даром же сейчас говорят, чтоб определить истинный прядок в доме – посмотри на мужа».

Через пять дней после той вечеринки, в очередной раз, уйдя от своего алкоголика к матери, Светка, позвонила мне. Я примчалась на такси. Еле дождалась, когда она натянет на долговязую фигуру платье, сделает лицо, облачится в длинный плащ. Сама же чуть коснулась помадой бледных губ, как обычно, собрала в «крабик» волосы, подкрасила ресницы.

Отправились в ближайшее заведение, где на выбор были предложены зал ресторанички, танцпол, кинозал и бильярдная. Сначала посетили рестораничку, потом заглянули на дискотеку. Публика была разношерстная: от юных Лолит до шестидесятилетних Дон Жуанов. Светка потащила меня к бильярдным столам. Единственное дело, которому она научилась в последнее время – игра в бильярд. Если я хорошо освоила компьютер, то она научилась прилично играть. Одну за другой одерживала победы за зеленым столом. Ставки были символическими, и выигрышами больше тешила самолюбие. Я стояла в стороне, пила безалкогольный коктейль и наслаждалась растерянностью на лицах игроков мужского пола! Так их, Светка!

Вдруг над ухом раздался знакомый голос. Это был голос Ипполита из вечного новогоднего фильма. Повернулась. На меня смотрел высокий, на вид – лет тридцати пяти, элегантно одетый мужчина. Пепельные волосы, зачесанные назад, крупноватый нос, светлые глаза. Усы и борода в стиле Чехова придавали облику аристократический вид. И вдруг он так задорно, по – мальчишески, улыбнулся и сказал:

– Можно предложить вам бокал вина в честь подруги! Вы так здорово болеете за неё!

– Нет! Спасибо! – Но решила поддержать веселый тон. – Вообще-то, не отказалась бы от сока, только сладкого!

– Для любительницы сладкого вы ...слишком миниатюрны!

Это был первый комплимент, услышанный за вечер. Почему-то так просто и легко почувствовала себя рядом с пепельноволосым, который, позже, при дневном свете, оказался русоволосым с большой примесью голубоватой седины.

Но это было потом! А в тот миг не захотелось копаться в своих ощущениях, искать причины, которые бы оправдали комфортное состояние рядом с ним. Начала разговаривать с незнакомцем так, как разговаривала с подругой.

– Знаете, у меня сейчас обострение гастрита, мне кислое и острое есть нельзя.

– Ясно! А у меня обострение хандры. Давайте полечимся сладким у барной стойки!

– Глядя на вас, тоже не скажешь, что вы любите сладкое!

– Я его употребляю только в хорошей компании!

Под легкое удивление бармена мы поглощали пирожные, запивая зелёным чаем. Шепнула мужчине: «Наверное, бармен думает, что мы оба язвенники!»

– Да нет, Симочка! – Прошептал мой знакомый, у которого оказалось красивое имя Герман. – Вот если б мы, заказали манную кашу, тогда другое дело!

Хохотали, болтали. В голове роились мысли: «Не все мужчины – мартовские коты или охотники! Наконец-то, могу говорить с человеком и не чувствовать себя добычей». С Гер-

маном было очень легко. Не было необходимости держать себя начеку, боясь дать повод к лишним действиям. ...Он довез нас на машине до дома Светкиной мамы. На прощанье вручил каждой по белой гвоздике.

– Откуда ты их взял?

– Я равнодушен ко многому на свете, но белые гвоздики – моя слабость!

Утром нашла в сумочке записку с номером служебного телефона. Когда же вчерашний знакомый передал её мне?

Прошло три дня. Лил дождь, было ужасное настроение. Вспомнилась та легкость, с которой общались с Германом. Позвонила. Трубку поднял он.

– Привет!

– Привет! – ответил Герман. – Кто это?

– Любительница соков и пирожных!

– Это ты, Симочка! Очень рад! Какие-то проблемы?

– Нет! Просто захотела услышать твой голос.

– Прекрасно! – он помолчал несколько секунд, а потом неуверенно сказал. – Может, встретимся в обед в кафе «Парусник»? Тебя устроит время? Вечером я никак не могу...

Мы снова ели пирожное, запивая кофе.

– Пожалуй, я так и растолстеть могу!

– Не надо! Ужасно не люблю толстых женщин. Они у меня ассоциируются с откормленными свиньями. Слушай! У нас есть ещё немного времени. Зайдем ненадолго в музей? Тут, за углом! Там новая экспозиция!

Мы шли по залам музея, в двух из которых была выставка какого-то художника. Все картины были выполнены в трех цветах: черном, белом и красном. Деревья – уродцы, лошади с малюсенькими головами и люди с головами с размером с котёл, в котором, похоже, кипели все страсти земные. Впечатление было ужасное! Не скрывая, сказала об этом.

– А тебе ничего не говорит фамилия художника?

– Нет.

– А мне он знаком. Сейчас он так видит жизнь! Красный – не лучшие человеческие страсти: ревность, ненависть и прочее. Черный цвет – тоска, а белый – скука. Вообще, поражаюсь, как он находит в себе силы творить, выражать себя. У него ужасная жизнь. А всё супруга! Она превратила его жизнь в кошмар. Заключила душу в духовный вакуум. Ей интересны только деньги, тряпки, сплетни. А для него шаг в сторону – расстрел. Смотри – белый конь с рвущейся ввысь головой! Окружён чёрными фигурами на шахматном поле, похожем на тюрьму. И название «Ход не Конем». Это его автопортрет.

– А что за серая точка рядом с ним?

– Кажется, он написал тут зеленый росток – надежду, но потом замазал.

– Это ужасно! Впечатление, как после посещения ...концлагеря.

На улице он сказал:

– Мне нравится твоя откровенность. У тебя прямота мужчины. Ты совсем не похожа на тех женщин, которых встречал в жизни.

– Чем не похожа? Тем, что ничего не понимаю в абстрактной живописи?

– Да ты дала самую точную оценку!

– Ты тоже не похож на других мужчин. В тебе нет ко мне чувства ...собственника. Я не чувствую себя добытой дичью. Это классно!

Герман негромко рассмеялся, а Серафима продолжила:

– Правда! С тобой легко и как-то надёжно, как со старинным другом. Хотя мне не нужна защищенность!

– И это мне нравится! Ты самодостаточна, тактична, и в тоже время пряма и откровенна. Нежна, но без этих ...женских штучек. Да и сама не хочешь стать добычей!

– Я не представляла, что с мужчиной можно так дружески общаться, без всяких планов. Всегда работала в бабских коллективах. Если встречала мужчин, то почти сразу приходилось доказывать, что ты – не матрац, на котором удобно поваляться!

Прошло полгода. Мы перезванивались, виделись один, изредка два раза в неделю. Встречались в парках, на набережной, в кафе, пару раз ходили в ресторан, всегда в обеденное время, лишь однажды вечером побывали на концерте московской поп-звезды, оказавшейся у нас проездом... Я понимала, что у него семья, но не хотелось думать об этом, ведь Герман устраивал меня как друг и собеседник. И большего ничего не было нужно!

Как-то привел в библиотеку, в фойе которой была организована небольшая выставка картин. Там оказались замечательные вещи! Я больше люблю реалистическое искусство. И пусть в картинах было много фантастики, но сказочные птицы, животные, цветы, изображенные на них, пели, ликовали, разбрызгивая вокруг себя яркие разноцветные флюиды радости, счастья, света. Я уходила из зала с ощущением праздника в душе! Сказала Герману. Он показался мне таким счастливым, что даже спросила: «А не ты ли писал эти картины?» На что он состроил умильную мину: «Вы, леди, считаете меня способным на такое?»

Но в тот же вечер раскололся оказавшийся стеклянным мой придуманный мир. Герман перешагнул черту, за которой кончается дружба и начинается другое. Взял мое лицо в ладони и впился ртом в губы. Я оттолкнула и горько сказала:

– Захотелось добычи? Жаль! Я ухожу.

– Да нет! Какая добыча? Ты – нежный цветок, за которым надо ухаживать.

– Ну, впрямь цветок! С мужской логикой, математическим складом ума! С моей само-достаточностью?! Сам говорил! Господи! Как я не хочу начинать всё сначала!

– Что сначала?

– Игры в любовь!!!

– Подожди, Симочка! Неужели не хочется заботы, любви, ...ласки?

– Я наелась досыта этой заботы!

– Когда?

– Когда была замужем шесть лет.

– Ты не говорила.

– А мы, вообще, на эти темы не говорили, как ты мог заметить. У нас были другие отношения. Твоя жизнь – твое личное дело!

– Ты – потрясающая женщина!

– Просто боюсь потерять свободу! Она досталась мне такой ценой!

– Какой?!

– Сказать?! Мой муж – любитель спиртного, патологический ревнивец решил зарезать меня, когда я сказала о желании развестись. Когда бегал за ножом, вошла соседка. Он хотел ударить меня, но тетя Наташа поскользнулась и закрыла меня. Удар приняла на себя. Соседский мальчишка увидел нас в раскрытую дверь. Когда приехали врачи и милиционеры, соседка лежала в луже крови, я без сознания, а в туалете нашли Рустама, повешенного.

– Вот это да! И давно это было?

– В прошлой жизни! Слава богу, тетя Наташа осталась жива.

– Такое пережить! ...Понятно, почему ты такая. Но, я не претендую на твою свободу! Но один поцелуй, и я в разряде подобных твоему мужу? Это несправедливо.

– Я не хочу других отношений! Не звони мне больше!

Я жила, работала, иногда и по ночам, когда не успевала сделать запланированное днем. В фирме меня ценили. Снова попала на вечеринку, уже новогоднюю, в своей Светке. Снова увидела Аллу, но не узнала. Постаревшая женщина с мешками под глазами, с опущенными плечами. Сразу стало видно, что ей за сорок. Подвыпив, она закричала, махнув фужером с шампанским:

– Бабоньки! Давайте выпьем за наших михрюток! За то, чтоб они как были нашими, так и оставались! И чтобы ни одна стерва не могла посмотреть на него без разрешения! ... Ну, кто ему позволил уйти от меня? – пошла она вдоль стола, трогая коллег за плечи. – Как он, мой до костей, вдруг стал не мой? Как этот растютеня, бумагомарака мог уйти?

Коллеги отворачивались, всем было не по себе. Правда, мне показалось, некоторым были приятны страдания дамы, которая всегда ставила себя выше других. ...Алла Спиридоновна подошла к нам.

– Вы до сих пор не видели новую пассию супруга? – пролепетала Светка.

– Нет! Сколько выслеживала! Он у матери живет. Всегда один домой ходит! Только и сказал, что она меня в три раза тоньше! А раньше мне говорил, что хорошего человека должно быть много! Паразит!

Третьего января сидели со Светкой у меня в квартире. Она принесла фотки с вечеринки. От души насмеялись. Потом вытащила еще пакет: «Это нашего летнего похода фотки. Наконец, диск у Лили взяла, себе распечатала. Прикольных много!» Рассматривая фотографии, на которых Светкины коллеги с друзьями ели шашлыки, купались, дурачились, увидела знакомое лицо: «Кто это?»

Светка поднесла фото к лицу, потом, заморгав, проговорила удивленно:

– Так это ...Михрютка, который ушел от Аллы!

Я потеряла дар речи. На фото был Герман. Из шока вывел звонок в прихожей.

Открываю дверь, в коридоре стоит с огромным букетом гвоздик Герман. Моя голова начинает кружиться. Тут из-за угла выдвигается картина. На ней я – русые волосы, в огромных серых глазах – усмешка, в руках – целая поляна белых гвоздик.

Не знаю уж, какое у меня лицо, но Герман быстро говорит:

– Симочка! Не прогоняй! У меня к тебе дело!

В прихожей, прислонив картину к стене, вздыхает, потом «выдает»:

– Я развелся! Наконец, скинул с плеч сто сорок килограммов. Ты помогла сойти с черно – белого шахматного поля. Я больше не в тюрьме. Свободен и счастлив. И хочу разделить это счастье с тобой! Выходи за меня замуж! Что скажешь?

Я молчу. Он опускает руки, глаза, голову... Ждет моих слов, как приговора. Гвоздики пенным облачком ложатся под ноги.

Но что могу сейчас сказать? Молча собираю цветы и несу на кухню.

В тот миг я еще не знаю, что свадьба наша состоится, но только через четыре месяца, в другой жизни, на другой планете...

Татьяна Сунцова. 2006 г.

Третий тур. Юмор

Владислав Александрович Диаров. Бася, Лапуля и скрипка

Рыбки явно объявили мне бойкот. Второй вечер подряд я ставлю пластинку с записями Барри Уайта, обожаю этого гения блюза, так эти капризули не соизволяют даже подплыть на стук моего пальца по стеклу, чтобы поздороваться. Регги, видите ли, им подавай.

Ах! Как же я люблю вечер пятницы. Впереди выходные, куча времени. Красота! Действительно, а почему рыбки не имеют право на уик-энд. Поменяв пластинку, я подсыпал им корму. Мои маленькие меломанки весело закружили под музыку неунывающего путешественника и любителя, пыльных дорог Ямайки, Боба Марли.

– В конце концов, кто в доме хозяин? – возмущенно поинтересовался я.

Ответ не расслышал, потому что зазвонил телефон.

– Привет! Чем занимаешься?

Звонил Роман, мой старый приятель. Он недавно закончил медицинский, и попал по распределению в районную поликлинику. Работа скучная для молодого перспективного специалиста, но он не унывал, и относился к ней добросовестно.

– Хочу привить моим рыбкам любовь к ритм-энд-блюзу, но пока не очень получается.

Плюхнувшись в кресло, я машинально нажал кнопку пульта телевизора. Показывали боевик. На экране, рядом с взорванной пиццерией, в луже крови лежал коп. Он трясся в предсмертных судорогах.

– А я никак не могу приучить свою собачку заваривать кофе, вместо того чтобы она притаскивала тапочки, – в тон мне произнес Роман. – Бросай свою филармонию и дуй ко мне

– А в чем дело?

– Расскажу на месте, приезжай, жду.

Пока я раздумывал над его предложением, к раненному копу подполз его напарник и озабоченно спросил.

– You okay?

– Yes, i am fine, – ответил тот с пафосом и, дернувшись в последний раз, откинул голову назад, закатив при этом глаза. Язык его вывалился на бок, а и изо рта обильно потекла кровавая пена. Я с раздражением выключил телевизор.

– Еду!

Человек я обязательный, а потому не заставил себя долго ждать. Тем более что расстояние между нами всего-то две троллейбусные остановки.

– Учти, я еще не ужинал, – строго бросил я, увидев в прихожей его сияющее лицо – Это, между прочим, тебя к чему-то обязывает.

Решив еще немного поворчать, я вошел в гостиную, и открыл было рот, но не смог произнести ни слова от изумления. Стол был накрыт так, как будто ждали VIP персону. Икра черная, икра красная, маслины, маринованные грибочки, креветки в сырном кляре, копченая курица с ананасами, салат из рукколы с кальмарами, ветчина трех сортов, четыре вида салями, сыр «Камамбер» и прочее и прочее. В центре надменно возвышалась бутылка «Божоле», рядом коньяк «Реми Мартин» и завершало великолепную троицу шампанское «Лоран-Перье» Я с укором посмотрел на своего друга.

– Ну, спрашивать тебя по поводу ограбления будет банально и скучно. Может тебя повысили до министра здравоохранения!

Не обращая внимания на эту тираду, он усадил мое непослушное от удивления тело за стол и, сев рядом, наполнил бокалы вином.

– Закусим сначала, потом все расскажу. Кстати, скоро жаркое подспеет. Ну, будем!

Бася нервничал. Он всегда нервничал, когда волновался. А волновался он по той причине, что жена его заболела, а он в командировке. Грипп, он как маньяк, хлопчет мерзавец, чтобы побольше невинных душ прибрать к рукам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.